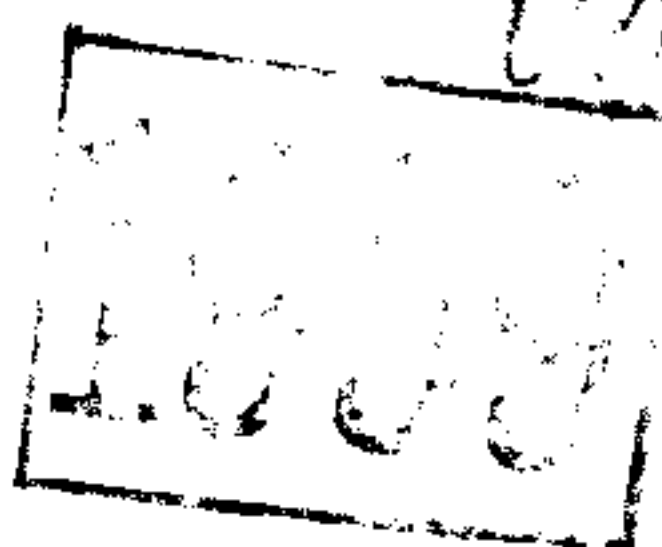
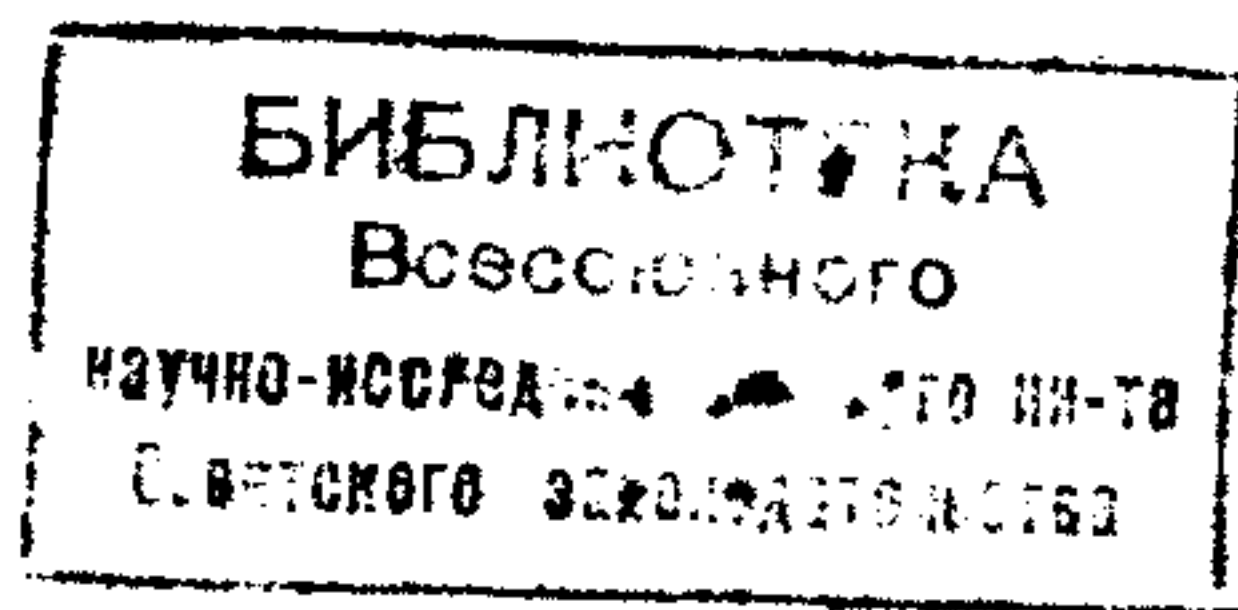

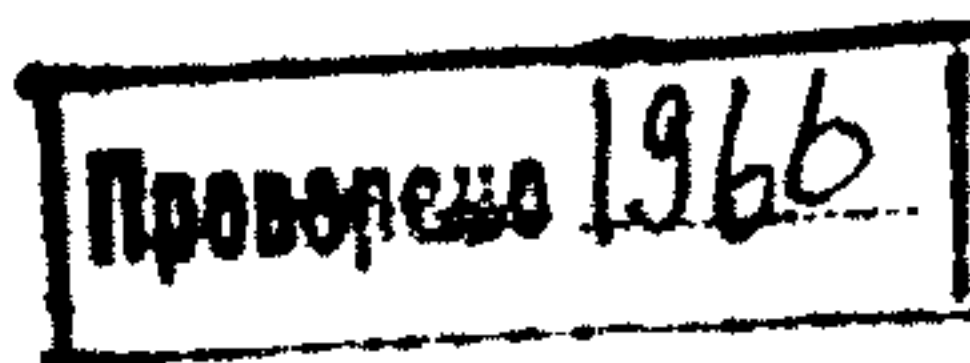
В. ДАНЕВСКИЙ.

О ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОМЪ СЛОВѢ

ПРЕДСѢДАТЕЛЯ.

Изъ Журнала Министерства Юстиции
(Январь 1896 г.)

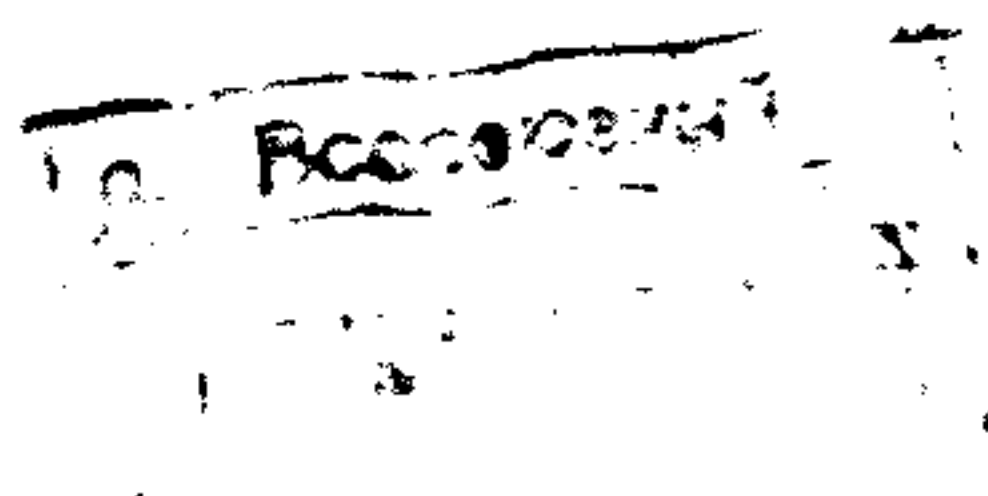

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА
1896.

Печатано съ разрѣшенія Министра Юстиціи.

12013

18877.

О ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОМЪ СЛОВѢ ПРЕДСѢДАТЕЛЯ.

Вызывается ли заключительное слово председателя существенными потребностями производства въ присяжномъ судѣ, въ какихъ предѣлахъ допустимо оно въ процессѣ и каковъ долженъ быть его характеръ?

Если отправляться отъ законодательствъ и допустить, что существованіе заключительнаго слова въ однихъ при отсутствіи его въ другихъ законодательствахъ не указываетъ на общесознанную потребность въ последнемъ словѣ председателя, то утвердительное рѣшеніе перваго вопроса представляется сомнительнымъ. Пренія сторонъ и постановка вопросовъ, хотя-бы лишь въ формулѣ конечнаго вывода обвинительнаго акта (англійская система), являются столь существенными частями окончательнаго судебного производства, что нѣтъ ни одного законодательства, которое обходилось бы безъ преній и постановки вопросовъ. Съ заключительнымъ же словомъ дѣло обстоитъ иначе: большинство законодательствъ безусловно вводятъ его, какъ необходимую часть процесса, другія (англійское обычное право)—допускаютъ его; наконецъ, третьи (напримѣръ Бельгія—съ 1831 г.) совсѣмъ не знакомы съ нимъ. Изъ государствъ, знакомыхъ съ заключительнымъ словомъ, одни (напримѣръ, Англія) даютъ ему широкій объемъ и всестороннее содержаніе; другія—суживаютъ и то и другое. Изъ последнихъ нѣ-

которые уставы, напимѣръ французскій, допускавшій *résumé* до 1881 г., ограничивали его изложеніемъ фактическаго матеріала, добытаго судебнымъ слѣдствіемъ и преніями сторонъ, притомъ лишь важнѣйшихъ данныхъ за и противъ подсудимаго (*Nélie—Traité, tome VIII*). Но среди уставовъ этой же группы можно найти и такіе, которые (напимѣръ германскій 1877 г.) принимаютъ совершенно противоположную точку зрѣнія: устраняя президента отъ изложенія и оцѣнки фактической стороны дѣла, они предписываютъ ему (§ 300) „наставлять присяжныхъ въ правовыхъ началахъ“. Имѣются, наконецъ, и уставы, пытающіеся соединить въ заключительномъ словѣ содержаніе французскаго *résumé* съ „*Belehrung*“ германскаго законодательства; такой характеръ носитъ „*Schluss-vortrag*“ австрійскаго президента, названный Гіе-Глюнекомъ „двусмысленною рѣчью“. Если же обратимся къ историческимъ указаніямъ, то подмѣтимъ такое явленіе: изъ Англіи вмѣстѣ съ судомъ присяжныхъ перенесено во Францію и „*charge*“ (заключительное слово англійскаго судьи); но какъ самая форма этого суда, такъ и „*charge*“ подверглись во Франціи значительнымъ искаженіямъ, выразившимся въ формѣ „*résumé*“; послѣднее и послужило образцомъ для разнаго вида „заключительныхъ словъ“, принятыхъ въ континентальныхъ государствахъ, куда судъ присяжныхъ былъ перенесенъ изъ Франціи; и только немногіе уставы (напимѣръ, баварскій 1848 г., ст. 173, и особенно брауншвейгскій—21 окт. 1858 г.; см. *Гуго-Мейеръ—Вопросы факта и права*, переводъ Таганцева, стр. 107—108 и 121), воздержавшись отъ подражанія „*résumé*“, пытались приблизить заключительное слово къ англійскому „*charge*“. Но французское *résumé*, приводя къ злоупотребленіямъ, доказало свою несостоятельность. Этимъ объясняется, почему въ нѣкоторыхъ государствахъ, принявшихъ систему *résumé*, стали раздаваться голоса противъ заключительнаго слова вообще. И вотъ теченіе, враждебное послѣднему, взяло верхъ въ Бельгіи (законъ 1831), въ нѣкоторыхъ кантонахъ Швейцаріи, одно время въ Брауншвейгѣ, и, наконецъ, на самой родинѣ резюме—во Франціи.

Изъ изложеннаго можно заключить, что подмѣчаемое въ

исторіи уголовно-процессуальныхъ законодательствъ явленіе—непринятія заключительнаго слова съ самаго введенія суда присяжныхъ (наприм., въ 4 кантонахъ Швейцаріи) или позднѣйшей отмѣны его (въ Бельгіи и во Франціи)—не можетъ быть *само по себѣ* разсматриваемо ни какъ доказательство существованія теченія неблагопріятнаго заключительному слову вообще, ни какъ показатель постепенно слагающагося сознанія о томъ, что предсѣдательское слово не является необходимою составною частью процесса съ присяжными. Приведенное явленіе доказываетъ лишь существованіе, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и торжество реакціи противъ „résumé“, какъ спеціального и наименѣе удовлетворительнаго вида заключительной рѣчи предсѣдателя. Во всякомъ случаѣ, ни отрицаніе необходимости заключительной рѣчи одними законодательствами и безусловное или условное допущеніе его другими, ни отказъ отъ него законодательствъ, ранѣе признававшихъ его необходимость, и обращеніе къ нему тѣхъ, которыя ранѣе не приняли его, не могутъ служить сами по себѣ ни доказательствомъ необходимости или полезности этого института, ни подтвержденіемъ его излишества или вредности въ процессѣ съ присяжными.

I.

Господствующіе типы заключительнаго слова могутъ быть, по содержанію своему, подраздѣлены на слѣдующія системы: А) англо-американскую, В) французскую, С) современную германскую и Д) смѣшанную ¹⁾).

А) Англо-американская система рѣзко отличается *полнотою* и *разносторонностію* содержанія заключительнаго слова судьи. Въ ней высказываются: 1) громадное довѣріе государства къ судѣ, руководящему присяжными; 2) сознаніе полной солидарности между короннымъ судьей и скамьею присяжныхъ въ преслѣдованіи одной цѣли—открытія истины совмѣстною работою обоихъ элементовъ суда, которые дѣйствуютъ раздѣльно скорѣе лишь по внѣшности, по существу же солидарно и

¹⁾ Ср. предлагаемую классификацію съ принятою проф. В. Микляшевскимъ „о дѣятельности предсѣдателя суда присяжныхъ“, 1873 г., § 9.

нераздѣльно. Порождаемое этими двумя факторами „charge“ сдерживается въ разумныхъ границахъ *контролемъ сторонъ*, поставленныхъ въ условія строгой состязательности. Содержаніе „charge“, съ которымъ во всемъ сходно заключительное слово судьи въ Шотландіи (Glaser—Das Englisch-schottische Strafverfahren, 1850), а во многихъ пунктахъ и „charge“ сѣверо-американскихъ судей, можетъ быть сведено къ слѣдующему. Судья излагаетъ *фактическую сторону дѣла*, т. е. всѣ доказательства въ пользу и во вредъ подсудимаго, избирая, по своему усмотрѣнію, историческій или систематическій приѣмъ изложенія, который облегчается для судьи, по обычаю, тѣмъ, что онъ составляетъ во время слѣдствія и преній замѣтки по всѣмъ сколько-нибудь сложнымъ и продолжительнымъ процессамъ. Но это сжатое и краткое изложеніе дѣла, именуемое „Summing up“, по свидѣтельству Глазера и Миттермайера (Das Englische, Schottische und Nordamerikanische Strafverfahren), нерѣдко совершенно устраняется судьей по дѣламъ простымъ и несложнымъ. Если же „Summing up“ имѣетъ мѣсто, то судья всегда старается сосредоточить вниманіе присяжныхъ на *существеннѣйшихъ сторонахъ* дѣла. Оцѣнивая при этомъ доказательства, судья, рассматриваемый въ Англіи, какъ „лучшій другъ и защитникъ подсудимаго“, особенно подчеркиваетъ всѣ сомнительные пункты, колеблющіе обвиненіе, советуя, а нерѣдко прямо настаивая на оправданіи подсудимаго, если уголовно-судебная достовѣрность вины не можетъ быть, по его мнѣнію, установлена съ достаточною твердостью.

Вторая часть „charge“ —наиболѣе важная въ рассматриваемой системѣ. Она имѣетъ юридическій характеръ и можетъ быть подраздѣлена на двѣ части. 1) *Объясненіе состава преступления*, какъ оно понимается обычнымъ правомъ или статутами. Здѣсь судья излагаетъ иногда мотивы и исторію законовъ, имѣющихъ примѣненіе къ рассматриваемому случаю, ссылается на ученые и судебные авторитеты, приводитъ подходящіе судебные антецеденты и возстановляетъ правильное толкованіе закона, если смыслъ послѣдняго искаженъ сторонами или обойденъ ими молчаніемъ. Понятно, почему судья, при полномъ довѣріи къ присяжнымъ, къ ихъ способности и

желанію ограждать общество и интересы правосудія, посвящает ихъ въ юридическія послѣдствія ихъ вердикта, объясняя имъ—какое наказаніе и при какихъ условіяхъ грозитъ подсудимому. 2) *Правила „law of evidence“*, т. е. общія начала, издавна выработанныя юридическою наукою и продолжительною судебною практикою, постепенно накоплявшіяся и постоянно пополняющіяся, которыя, образуя цѣлую систему, должны служить основаніемъ и руководствомъ къ *юридической оцѣнкѣ силы доказательствъ вообще и собранныхъ въ данномъ дѣлѣ въ частности*. Въ этой части рѣчи судья излагаетъ существующій законъ, насколько онъ касается доказательствъ; это наставленіе имѣетъ, по замѣчанію профессора Владимірова (Ученіе объ уголовныхъ доказательствахъ, 1888 г., стр. 129), „чисто правовое значеніе, оно настолько обязано касаться доказательствъ, насколько изъ закона вытекаютъ тѣ или другія условія достовѣрности источниковъ судейскаго убѣжденія“. Судья не стѣсняется высказывать и свое мнѣніе, основанное на собственномъ опытѣ, о силѣ доказательствъ вообще и по данному дѣлу; въ американской же практикѣ (Владиміровъ—*ibid.*, 130) выраженіе судьей своего мнѣнія о силѣ доказательствъ *въ разсматриваемомъ дѣлѣ*—считается злоупотребленіемъ. Законъ же не воспрещаетъ англійскому судѣ высказывать *свое мнѣніе* даже о виновности подсудимаго, которое, однако, не обязательно для присяжныхъ; впрочемъ, по свидѣтельству Миттермайера, судьи въ большинствѣ случаевъ воздерживаются отъ рѣшительнаго выраженія такого мнѣнія. Важная особенность англійскаго порядка замѣчается и въ томъ, что произнесеніе „charge“ не составляетъ обязанности судьи; оно—*факультативно*, зависитъ отъ его усмотрѣнія или просьбы присяжныхъ. И нерѣдки случаи, когда, по дѣламъ простымъ и малосомнительнымъ, присяжные приступаютъ къ совѣщанію, не выслушавъ никакой рѣчи предсѣдателя. Но еще чаще рѣчь, хотя и произносится, *но ограничивается* въ содержаніи: судья, выкидывая „*Summing up*“, ограничивается лишь выясненіемъ необходимыхъ для дѣла юридическихъ понятій и возстановленіемъ правильнаго истолкованія законовъ, особенно относительно состава преступленія.

Итакъ, англійское „charge“, во 1-хъ) *факультативно*; оно можетъ быть выпущено *цѣликомъ*, или ограничено въ содержаніи. Въ послѣднемъ случаѣ всегда произносится юридическая его часть и главнымъ образомъ дается объясненіе, касающееся состава преступленія. Во 2-хъ) если оно — *полно*, то судья излагаетъ *главные* факты дѣла, обращая вниманіе присяжныхъ на обстоятельства спорныя и сомнительныя, на законы и обычное право, касающіеся преступленія, на главные начала „law of evidence“, поскольку они затрогиваются даннымъ дѣломъ, дѣлаетъ оцѣнку силы доказательствъ въ разсматриваемомъ случаѣ, знакомитъ присяжныхъ съ наказаніемъ, грозящимъ подсудимому, и, наконецъ, *можетъ* высказать и свое мнѣніе о виновности подсудимаго. Цѣль „charge“, по вѣрному замѣчанію профессора Микляшевскаго, состоитъ въ томъ, чтобы „облегчить задачу присяжныхъ, обратить ихъ вниманіе на встрѣчающіяся въ дѣлѣ сомнительныя обстоятельства и охранить подсудимаго отъ наказанія, когда въ дѣлѣ имѣется „reasonable doubt“ по отношенію къ его виновности“ (Микляшевскій — *ibidem*, 61)“.

Англійскіе присяжные рѣшаютъ вопросъ о *виновности подсудимаго предъ закономъ*; они призваны не только къ рѣшенію вопросовъ фактическихъ, но и къ субсумпціи, т. е. къ подведенію утвержденныхъ ими фактическихъ обстоятельствъ подъ нормы уголовного закона или обычного права. Но такъ какъ присяжные, призванные къ субсумпціи, предполагаются не свѣдущими въ правѣ, то они должны быть подъ руководствомъ авторитетнаго юриста, который, выступая въ лицѣ короннаго судьи, обязанъ уяснить имъ всѣ правовыя понятія, необходимыя для правильной оцѣнки доказательствъ и для подведенія конкретныхъ обстоятельствъ подъ абстрактныя положенія уголовного закона. Будучи юридическимъ руководителемъ присяжныхъ, судья восполняетъ посредствомъ „charge“ недостатки и исправляетъ слабыя стороны суда выборныхъ изъ народа, давая имъ то, чего у нихъ нѣтъ и чего отъ нихъ, какъ не-юристовъ, нельзя и требовать. Руководя судебнымъ засѣданіемъ и произнося свое „charge“, судья получаетъ законное *вліяніе* на присяжныхъ,

стремящееся къ тому, чтобы поставить ихъ въ положительныя условія, наиболѣе благопріятныя для правильнаго рѣшенія и устранить всѣ условія отрицательныя, препятствующія открытію истины и правильному вердикту. Такое *вліяніе предсѣдателя*, проявляющееся особенно въ „charge“, встрѣчаясь съ правомъ присяжныхъ устанавливать или отвергать факты и давать окончательную оцѣнку доказательствамъ, должно быть поставлено въ извѣстныя границы: съ нарушеніемъ послѣднихъ прекращается *правильное взаимодействіе* между короннымъ судомъ и скамьею присяжныхъ, характеризующее присяжный судъ Англіи, достиженіе котораго является насущнѣйшею и труднѣйшею задачею всякаго присяжнаго суда. Если это *вліяніе* переходитъ опредѣленныя границы, начертанныя для него въ законѣ, и нарушаетъ это правильное взаимодействіе, то оно превращается уже въ *противозаконное давленіе*, вредящее прежде всего интересамъ сторонъ, а въ конечномъ итогѣ и всему правосудію. Для устраненія такого вреда, стороны пользуются въ Англіи *правомъ возраженія* противъ „charge“. Если онѣ находятъ, что судья неправильно истолковалъ составъ преступленія, или выдаетъ свои личныя мнѣнія за признанныя въ наукѣ или въ судебной практикѣ, если, наконецъ, стороны усматриваютъ искаженіе судьей установленныхъ на судѣ фактическихъ обстоятельствъ дѣла, то имъ обычаемъ предоставлено право не только поправлять судью и дѣлать свои заявленія по окончаніи „charge“, но даже прерывать рѣчь его. Наконецъ, стороны пользуются и правомъ просить о пересмотрѣ дѣла вслѣдствіе неправильнаго истолкованія судьей законовъ и, вообще, невѣрности юридической части даннаго имъ наставленія (Glaser—Das Englisch-schottische Strafverfahren). Если „charge“ призвано къ укрѣпленію связи и взаимодействія короннаго и народнаго элементовъ суда, если при его посредствѣ судья долженъ оказывать вліяніе на правильную оцѣнку доказательствъ присяжными и на ихъ вердиктъ, то отсюда слѣдуетъ, по мнѣнію англійскихъ правовѣдовъ, что *для присяжныхъ обязательна* (это признано англійскою судебною практикою) *главная составная часть „charge“ — поясненіе общихъ*

началь права, безъ знанія которыхъ судьи изъ народа, не свѣдующіе въ правѣ, не могутъ, по господствующему мнѣнію, ни оцѣнить вѣрно доказательства, ни совершить субсумпцію фактовъ подъ законные признаки преступнаго дѣянія. Случается, наконецъ, что присяжные, пользуясь фактически полною свободою въ произнесеніи вердикта и не обязанные его мотивировкою, нарушаютъ обязанность подчиненія своему руководителю по вопросамъ правового свойства. Они могутъ произнести явно несправедливый вердиктъ, идущій въ разрѣзъ съ безспорными началами права, признать, напр., отсутствіе состава преступления и дать оправдательный вердиктъ по обвиненію, фактическія основы котораго утверждены ими и заключаютъ въ себѣ полный составъ преступления.

Такія явленія, въ Англіи весьма рѣдкія, всегда рассматривались, какъ злоупотребленія и нарушенія присяжными ихъ обязанностей, но не признавались за проявленіе принципа „всемогущества присяжныхъ“, никогда не допускавшагося въ англійской юриспруденціи и судебной практикѣ и не встрѣчавшаго сочувствія ни въ обществѣ, ни среди самихъ присяжныхъ. Судьямъ предоставлена въ Англіи полная возможность оказывать на вердиктъ законное, хотя и отрицательное вліяніе: во время судебного слѣдствія судья не допускаетъ ничего такого, что признается по закону или по „law of evidence“ лишеннымъ доказательной силы. Если же такое недопустимое доказательство проникло въ судебное слѣдствіе, то судья въ своемъ „charge“ старается парализовать вредное его вліяніе (Палаузовъ—„Постановка вопросовъ присяжнымъ по русскому праву“, 1885 г., стр. 32), разъясняя присяжнымъ логическую и правовую погрѣшность такого доказательства. Обязанность присяжныхъ руководствоваться поученіемъ судьи объ общихъ началахъ права прекращается лишь съ того момента, когда стороны выяснили юридическую неправильность, ложное истолкованіе судьей изложенныхъ имъ правовыхъ началъ, относящихся до „law of evidence“ или до состава преступления, и когда, изъ возникшаго отсюда пререканія между стороною и судьей, при-

сяжные убѣдились въ неправильности изложенія или толкованія, предложенныхъ имъ ихъ руководителемъ, если, конечно, то и другое не исправлено судьей на основаніи указаній и разъясненій сторонъ. Понятно, что судья, предлагая правовыя начала и правила для оцѣнки силы доказательствъ, предоставляетъ уже самимъ присяжнымъ дѣлать окончательное примѣненіе ихъ къ *данному случаю*; въ этомъ отношеніи онъ даетъ присяжнымъ лишь совѣтъ (Glaser—Anklage, Wahrspruch und Rechtsmittel im Englischen Schwurgerichtverfahren, 1866, § 16). Слѣдовательно, присяжные, если бы даже судья и высказалъ свое мнѣніе о силѣ доказательствъ въ разсматриваемомъ случаѣ, совершенно свободны въ рѣшеніи вопроса о томъ, *насколько* преподанныя имъ *правила и общія начала права убѣдили ихъ въ признаніи силы или слабости доказательствъ по дѣлу*.

Еще болѣе свободны и самостоятельны присяжные при оцѣнкѣ и составленіи вывода изъ изложенія и критическаго освѣщенія судьей фактическихъ обстоятельствъ процесса, хотя бы даже судья рѣшительно высказалъ свое личное мнѣніе о виновности или невинности подсудимаго. Давнее существованіе въ Англіи присяжнаго суда, пустившаго тамъ глубокіе корни, создавшее изъ присяжныхъ—судей большой опытности, такта и сдержки, громадный авторитетъ коронныхъ судей, назначаемыхъ не только изъ лучшихъ юристовъ, но и изъ числа лучшихъ людей страны, привели въ англійскомъ судѣ къ образцовой солидарности между присяжными и коронными судьями. Къ этимъ благопріятнымъ условіямъ присоединяется еще начало состязательности сторонъ, которымъ принадлежитъ инициатива по собранію, представленію и эксплуатаціи доказательствъ; судья же, не являясь слѣдователемъ, какъ французскій президентъ ассизовъ и не обладая знаменитымъ „*pouvoir discrétionnaire*“, можетъ быть настолько безпристрастенъ, чтобы добросовѣстно выполнить свои обязанности на судебномъ слѣдствіи и трудную задачу „*charge*“; послѣдняя облегчается также „структурою англійскихъ преній, всегда короткихъ, дѣловыхъ и ясныхъ“ (Василенко—„Заключительное слово пред-

сѣдателя въ судѣ присяжныхъ, 1878 г., стр. 14—16). Обязательность въ приведенныхъ границахъ нѣкоторыхъ частей „charge“ для присяжныхъ имѣетъ и свою юридическую санкцію. Такъ, судья располагаетъ средствами для полученія *оправдательнаго вердикта*, если конкретные факты дѣла находятся въ явномъ несоотвѣтствіи съ тѣми правовыми положеніями, которыя онъ изложилъ присяжнымъ. Въ такомъ случаѣ онъ „stops the case“, т. е. прекращаетъ, какъ только выяснилось вышеуказанное несоотвѣтствіе, все дальнѣйшее производство и требуетъ отъ присяжныхъ оправданія (to direct an acquittal); такого оправданія онъ можетъ потребовать въ этомъ же случаѣ и въ своемъ „charge“ (Glaser—*ibidem*, § 169). А на случай если бы присяжные, вопреки своей обязанности, рѣшительно не захотѣли слѣдовать такимъ наставленіямъ судьи, въ англійскомъ процессѣ давно выработаны правила, слѣдующимъ которымъ судья „можетъ доставить торжество изложеннымъ имъ правовымъ положеніямъ“, не смотря на полное нежеланіе присяжныхъ слѣдовать имъ въ своемъ вердиктѣ (Палаузовъ—*ibidem*, 38). Сказанное вѣрно, по крайней мѣрѣ, относительно *обвинительныхъ* вердиктовъ, являющихся послѣдствіями игнорированія присяжными тѣхъ правовыхъ наставленій судьи, логическимъ послѣдствіемъ которыхъ долженъ былъ быть вердиктъ оправдательный. Здѣсь возможны нѣсколько случаевъ. Не вдаваясь въ подробности (см. о нихъ у Глазера—*ibidem*, § 16—17, а также у Палаузова, стр. 37—45), замѣтимъ лишь, что въ подобныхъ случаяхъ самъ судья или высшій судъ могутъ кассировать вердиктъ по строго правовымъ основаніямъ, или же председательствующій можетъ воспользоваться исключительно ему, а не сторонамъ принадлежащимъ правомъ перенести возбужденный въ дѣлѣ спорный вопросъ на окончательное рѣшеніе апелляціоннаго суда. Во всякомъ случаѣ, законное вліяніе „charge“ на присяжныхъ обезпечено въ Англіи по крайней мѣрѣ *въ огражденіе интересовъ подсудимаго* противъ неправильнаго обвинительнаго приговора: судья обладаетъ достаточными средствами къ тому, чтобы заставить присяжныхъ не уклоняться отъ примѣненія изложеннаго судьей праваго

положенія всякій разъ, „когда имѣется возможность дать присяжнымъ абстрактную формулу значенія извѣстнаго законнаго признака, когда судья даетъ *общепризнанное истолкованіе* извѣстнаго правоваго понятія“ (Палаузовъ, *ibidem*, 40).

В) Система, дѣйствовавшая во Франціи до 1881 г.—совершенная противоположность англійской. *Résumé* есть, во-первыхъ, плодъ неправильнаго воззрѣнія на присяжныхъ, которые разсматривались тамъ не столько какъ судебное, сколько какъ политическое учрежденіе, призванное по преимуществу къ охранѣ личной свободы; во-вторыхъ, оно есть результатъ вліянія на судъ присяжныхъ частой смѣны формъ государственнаго устройства и правительствъ, вступавшихъ нерѣдко въ борьбу съ началами личной свободы гражданъ, почему и судъ присяжныхъ не пользовался особымъ довѣріемъ законодательныхъ сферъ, а самыя основы этого учрежденія подвергались тамъ частымъ перемѣнамъ (напр., условія для составленія списковъ присяжныхъ и для внесенія въ нихъ). А изъ первоначальнаго искаженія англійскаго образца суда присяжныхъ (еще въ 1791 году) вытекло и изуродованіе, въ формѣ *résumé*, англійскаго „charge“. Изъ недовѣрія же къ присяжнымъ и изъ изуродованія первоначальной формы породился взглядъ на присяжныхъ, встрѣчавшій сочувствіе во французской юридической литературѣ и въ судебной практикѣ, какъ на судей факта, лишенныхъ права субсумпціи. Коронному суду хотѣли поручить эту субсумпцію, рѣшеніе не только процессуальныхъ, но и всѣхъ вообще правовыхъ вопросовъ. Предсѣдателю, какъ лицу, пользующемуся особымъ довѣріемъ, поручено не только руководить присяжными, но и оказывать на нихъ *давленіе*. Отсюда—*законное вліяніе судьи* на вердиктъ чрезъ посредство „charge“ превратилось въ *законное давленіе*, причемъ ни законъ, ни кассационная практика не выработали никакихъ дѣйствительныхъ средствъ къ контролю надъ содержаніемъ *résumé* и нарушеніемъ въ немъ правъ и интересовъ сторонъ. Теоретическая невѣрность и практическая невозможность строгаго разграниченія фактовъ отъ права вынуждали французскую судебную практику къ истолкованію закона въ смыслѣ предоставленія присяжнымъ разрѣшенія вопроса о соотвѣтствіи установлен-

ныхъ ими фактовъ законнымъ признакамъ преступленія. Это не отрицается даже Ф. Эли (Traité, т. VIII), рѣшительнымъ приверженцемъ теоріи ограниченія присяжныхъ сферою конкретныхъ фактовъ, не говоря уже о новыхъ французскихъ процессуалистахъ, которые (напр., Garraud—Précis de droit criminel, 1881, т. II) утверждаютъ, что французское законодательство предоставляетъ присяжнымъ рѣшать вопросы факта или права, относящіеся или къ составу преступленія, или къ обстоятельствамъ, смягчающимъ и отягчающимъ вину въ силу закона. Тѣмъ неменѣе французская система, какъ и русская судебная практика, болѣе всѣхъ дѣйствующихъ очень стѣсняютъ присяжныхъ, неохотно предоставляя имъ субсумпцію. Но въ такомъ случаѣ, казалось бы, присяжные уже не должны быть стѣсняемы въ этой, хотя узкой, но исключительно имъ отмежеванной области. Слѣдовательно, заключительное слово президента, если оно ограничено изложеніемъ однихъ обстоятельствъ дѣла, доказательствъ pro и contra обвиняемаго,—не имѣетъ *raison d'être*, такъ какъ и по французской системѣ коронному суду отнюдь не принадлежитъ право вмѣшательства въ эту область для утвержденія или отрицанія фактовъ.

Но почему же существовало и играло столь видную роль *résumé*? По двумъ основаніямъ. Во 1-хъ) Оно вызвано *недоверіемъ* къ присяжнымъ, породившимъ *необходимость „давленія“* на нихъ со стороны предсѣдателя; *résumé* даетъ ему въ руки могущественное къ тому средство. Законъ молчаливо выражаетъ такую мысль: вамъ, присяжнымъ, предоставляютъ утверждать или отвергать факты, но вы можете сдѣлать это лишь въ *согласіи* съ предсѣдателемъ; вамъ довѣряютъ лишь тогда, когда ваше мнѣніе совпадаетъ съ мнѣніемъ предсѣдателя; если вы колеблетесь, то васъ *заставятъ* чрезъ посредство *résumé* произнести рѣшеніе, согласное съ видами предсѣдателя, совпадающими, по презумпціи законодателя, съ цѣлями правосудія. 2) Второе основаніе резюме — лежитъ въ самомъ *строѣ французскаго уголовного процесса*, который проникнутъ инквизиціоннымъ характеромъ даже въ стадіи окончательнаго производства. Коронный судъ, вѣрнѣе — *одинъ предсѣдатель*, помимо инициативы сторонъ, вопреки ихъ волѣ и

заявленіямъ, принимаетъ всѣ мѣры къ отысканію матеріальной истины въ дѣлѣ. Въ этихъ видахъ предсѣдатель является не только руководителемъ судебного разбирательства и преній (art. 270), но, какъ въ процессѣ розыскомъ, и слѣдователемъ. Изъ статей 261, 268, 269, 293, 301, 303—309, 319, 327 и 334 Code de proced. pen. (въ нѣкоторыхъ *изъ нихъ* встрѣчается выраженіе „le président pourra l'ordonner, même d'office“) усматривается, что предсѣдатель не только допрашиваетъ въ ассизахъ свидѣтелей, но и подсудимаго, притомъ не только во время судебного разбирательства, но подсудимаго и *до открытія* ассизовъ; но *главное право его* (ст. 268 и 269), образующее столь извѣстную „дискреціонную власть“, состоитъ въ томъ, что онъ можетъ отыскивать и приводить всякія новыя доказательства, въ формѣ вещественныхъ и свидѣтельскихъ, совершенно неизвѣстныхъ сторонамъ, помимо ихъ требованія, безъ ихъ согласія и даже безъ заблаговременнаго предупрежденія о томъ сторонѣ. Въ силу ст. 269, лица, вообще не допускаемыя къ свидѣтельству на судѣ (оно всегда должно быть дано подъ присягою), могутъ быть предсѣдателемъ вызваны (и по приказу предсѣдателя даже *приведены*) къ дачѣ „renseignements“. Наконецъ (ст. 270) онъ же обязанъ („devra rejeter“) прекратить пренія, если послѣднія, по его мнѣнію, не ведутъ къ успѣшнымъ результатамъ.

Такимъ образомъ, во французскомъ процессѣ, наряду съ сторонами несамостоятельными, почти лишенными инициативы, выдвигается грозный предсѣдатель, вооруженный громадными правами, который образуетъ, по мѣткому выраженію Гнейста, третью сторону въ процессѣ, превращающемся „изъ двухсторонней борьбы въ трехстороннюю“ (Василенко—*ibidem*, 25). Эта роль предсѣдателя, собирателя новыхъ доказательствъ и „renseignements“, хорошо ознакомленнаго съ актами предварительнаго слѣдствія, всецѣло отражается въ résumé: руководитель присяжныхъ выступаетъ въ немъ не безпристрастнымъ излагателемъ доказательствъ за и противъ подсудимаго, а слѣдователемъ, который, ознакомившись съ односторонними актами предварительнаго слѣдствія, производившагося слѣдователемъ подъ давленіемъ прокурора,

самъ превращается въ послѣдняго и всегда почти явно враждебенъ защитѣ. По мысли законодателя, „*résumé*“ должно было: 1) даваться обязательно по каждому дѣлу и 2) содержать въ себѣ *краткое, совершенно безпристрастное изложеніе доказательствъ* за и противъ подсудимаго; 3) не заключать въ себѣ выраженія личнаго мнѣнія предсѣдателя о виновности подсудимаго; 4) въ него не должны были вноситься никакія правовыя поученія. На самомъ же дѣлѣ „*résumé*“: 1) вело къ нарушенію присяжными ихъ обязанности (ст. 342) — „*que toute la délibération du jury porte sur l'acte d'accusation*“; они вынуждены были, подѣ давленіемъ *résumé*, которое опиралось на новыхъ доказательствахъ, доставленныхъ президентомъ, отвѣчать въ вердиктѣ не на выводъ обвинительнаго акта, а на новую формулировку обвиненія въ вопросахъ; а послѣдніе ставятъ имъ одинъ предсѣдатель, вносящій въ нихъ свои доказательства и свой взглядъ на дѣло; 2) при изложеніи доказательствъ *pro et contra* можно быть или *безизвѣтнымъ*, или же вносить въ изложеніе въ большей или меньшей степени субъективные взгляды и собственныя мнѣнія, (о безпристрастіи говорить, вообще, трудно, о безпристрастіи же французскаго *résumé* — и совсѣмъ невозможно); 3) поэтому, оно чаще всего явно склонялось къ обвиненію, т. е. создавало въ процессѣ двухъ прокуроровъ, изъ которыхъ одинъ (предсѣдатель) имѣлъ въ своихъ рукахъ все руководство и направленіе дѣла и — право *послѣдняго*, притомъ авторитетнаго слова. Не было и факторовъ, противодѣйствующихъ этому вредному вліянію *résumé*. Во 1-хъ) Еще въ 30—40 годахъ (De Lacuisine—Traité du pouvoir judiciaire) кассационный судъ рѣшительно отвергалъ, въ качествѣ повода къ отмѣнѣ вердикта, указанія защиты на явное пристрастіе предсѣдательскаго *résumé*. Намъ кажется, что кассационный судъ и не могъ разсуждать иначе, такъ какъ *résumé* — часть дискреціонной власти предсѣдателя, предѣлы пользованія которою предоставлены закономъ его „совѣсти и чести“, почему границы ея не были и не могли быть установлены кассационною практикою; съ другой стороны, констатированіе пристрастія *résumé* и послѣдующая за нимъ кассация приговора распространились бы на такое множество дѣлъ, что автори-

тетъ судовъ и довѣріе къ вердиктамъ присяжныхъ были бы совершенно поколеблены. Во 2-хъ) Англійская система контроля надъ *résumé*, въ видѣ права сторонъ прерывать судью и требовать исправленія неправильнаго толкованія имъ законовъ, совершенно не допускалась во Франціи. Въ виду сказаннаго понятно, почему „*résumé*“, не встрѣчавшее сочувствія даже среди многихъ представителей науки во Франціи, вызывало такіа злоупотребленія, что не разъ всплывали (еще въ 1832 и 1849 гг.) проекты полнаго его уничтоженія, которые сдѣлались, однако, дѣйствующимъ закономъ лишь съ 19 іюня 1881 г.

Отмѣна *résumé* несомнѣнно повліяла на улучшеніе отношеній между короннымъ судомъ (предсѣдателемъ въ особенности) и скамьею присяжныхъ, на укрѣпленіе взаимнаго между ними довѣрія. Она повліяла и на качество вердиктовъ: присяжные бывали нерѣдко настолько возмущены пристрастнымъ допросомъ обвиняемаго и *résumé* предсѣдателя, что становились сами, по естественному закону реакціи, пристрастными въ пользу подсудимаго, которому и выносили иногда незаслуженный имъ оправдательный вердиктъ.

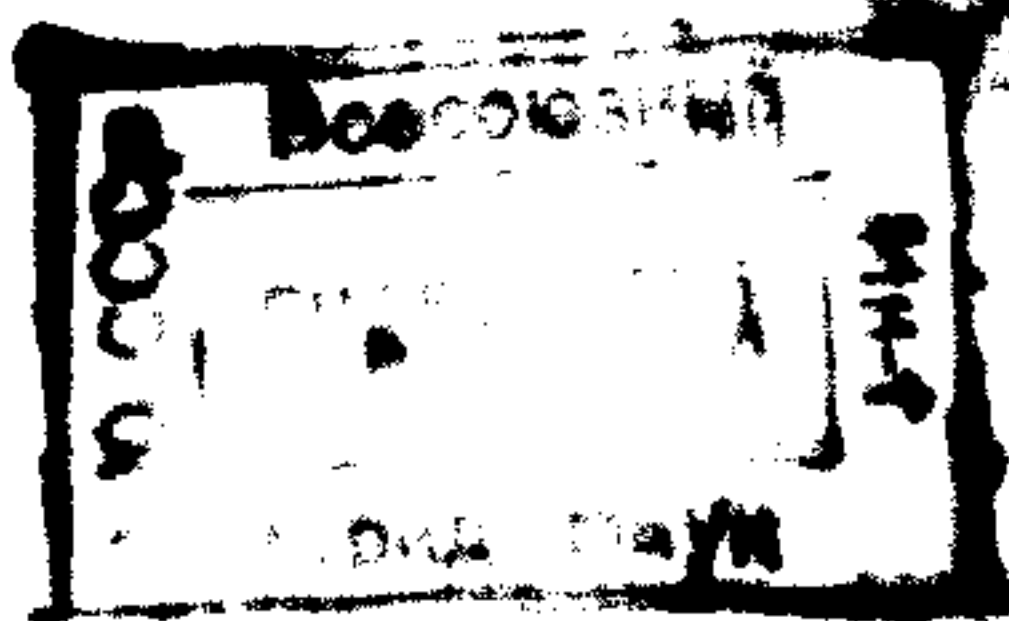
С) Германская система.—Всѣ нѣмецкіе сепаратные уставы могутъ быть раздѣлены на три разряда (Планкъ): 1) Куръ-Гессенскій (31 октября 1848 г., § 317—318 и уставъ 1863 г., § 150—160), гдѣ присяжные были призваны къ рѣшенію исключительно вопросовъ факта; 2) Брауншвейгскій, въ которомъ процессъ приближенъ къ англійскому; присяжные (21 октября 1858 г., § 140) рѣшаютъ только о *законныхъ признакахъ* преступленія, и 3) всѣ другія государства (наприм., Бадень—1851 г., § 26, Баварія—1848 г., ст. 173, и т. д.), въ которыхъ присяжные должны были рѣшать, какъ вопросы фактическіе, такъ и о законныхъ признакахъ. Въ соотвѣтствіе съ указанными различіями во взглядахъ на миссію присяжныхъ и заключительное слово предсѣдателя вполне напоминало французское *résumé* въ Куръ-Гессенѣ: предсѣдатель давалъ „историческій очеркъ дѣла“, *résumé* всѣхъ доказательствъ, но не долженъ былъ вступать ни въ какіа объясненія постановленій закона или юридическихъ выраженій (Гуго-Мейеръ—*ibidem*, добавленіе г. Таганцева, стр. 139—140). Въ Браун-

швейгъ оно появилось въ уставѣ 21 октября 1858 года, впрочемъ—какъ *факультативное* (§ 138): председатель долженъ былъ, не касаясь фактической стороны дѣла, „объяснять“ подробно всѣ законы, относящіеся къ данному дѣлу и правовое значеніе выраженій, употребленныхъ въ законѣ. Баварскій уставъ 1849 г. и баденскій 1864 года близки въ этомъ отношеніи къ брауншвейгскому, но дѣлаютъ заключительное слово обязательнымъ для председателя. Наконецъ, въ другихъ законодательствахъ председательское слово, по большей части, соединяло обѣ предыдущія системы; такъ, прусское законодательство (1852 г., art. 79), признавая заключительное слово факультативнымъ, обязывало председателя изложить главнѣйшія доказательства и объяснить соотвѣтственные юридическія понятія; ему возбранялось высказывать свое мнѣніе о дѣлѣ. Всѣ кодексы и законы отнимали у сторонъ право исправлять ошибки, допущенныя председателемъ въ заключительномъ словѣ и, вообще, прерывать послѣднее, или дѣлать о немъ какія-либо замѣчанія. Многія изъ этихъ законодательствъ, наприм. прусское, склонны были рассматривать заключительное слово, какъ непогрѣшимое, и совсѣмъ устраняли или весьма ограничивали возможность отмѣны приговора вслѣдствіе нарушеній, допущенныхъ председателемъ въ его рѣчи.

Уголовный уставъ объединенной Германской Имперіи примкнулъ въ § 300 скорѣе къ системѣ брауншвейгской: председательствующій дѣлаетъ присяжнымъ наставленіе о „правовыхъ точкахъ зрѣнія“, которыя они должны принять во вниманіе при разрѣшеніи постановленной имъ задачи; это наставленіе „ни съ какой стороны не можетъ подлежать критикѣ“ (2 ч. § 300). Комментируя § 300, Дальке (Dalko—*„Die deutsche Strafprozessordnung“*, 1878 г., 188) говоритъ, что председатель не долженъ входить ни въ изложеніе фактическихъ отношеній (обстоятельствъ дѣла), ни въ оцѣнку доказательствъ; воспрещается дѣлать изъ этого поученія о правѣ (*Rechtsbelehrung*) предметъ полемики или протоколированія какой-либо его части; равнымъ образомъ и кассационное обжалованіе (*das Rechtsmittel der Revision*) „никогда не можетъ опереться на томъ, что

поученіе было ошибочно съ точки зрѣнія права, и предложенія, сдѣланныя въ этомъ смыслѣ въ имперской судебной комисіи, не получили силы закона“. Такимъ образомъ, германское заключительное слово—сходно съ французскимъ *résumé*, какъ относительно приведенныхъ послѣднихъ двухъ пунктовъ, такъ и по неполнотѣ его содержація; но по существу оно должно было быть совершенною противоположностью *résumé*, такъ какъ послѣднее—изложеніе доказательствъ, а германское заключительное слово—„исключительно“, по тексту закона, поученіе о правѣ. Такой характеръ германскаго наставленія самъ по себѣ указываетъ уже на то, что составители германскаго устава рѣшительно присваивали присяжнымъ право и обязанность субсумпціи, что всякія колебанія по этому поводу разрѣшались въ пользу положенія, повелѣвающаго присяжнымъ рѣшать *Schuldfrage*, т. е. вопросъ о виновности подсудимаго предъ закономъ. Это ясно сказывается и изъ § 293 устава, изъ котораго видно, что главный вопросъ для рѣшенія присяжныхъ долженъ заключать въ себѣ *dünne*, поставленное въ вину подсудимому, по законнымъ его признакамъ и съ обозначеніемъ обстоятельствъ, необходимыхъ для его отличія.

Къ сожалѣнію, уставъ, предоставляя народнымъ судьямъ рѣшать цѣльный вопросъ о виновности, не создалъ никакихъ способовъ контроля надъ правильностью субсумпціи, сдѣланной присяжными, хотя-бы только въ интересахъ подсудимаго, не смотря на то, что въ судебной комисіи рейхстага было сдѣлано соответственное предложеніе (Веккеромъ), защищавшееся еще ранѣе Баромъ; но предложеніе Беккера отвергнуто изъ опасенія противорѣчій въ отвѣтахъ присяжныхъ, сложности постановляемыхъ ими вопросовъ и изъ боязни „побуждать присяжныхъ къ мотивировкѣ ихъ вердикта“ (Палаузовъ—*ibidem*, 73—74). Очевидно, что германскій законодатель не возвысился въ этомъ отношеніи до англійской системы, дающей судьямъ возможность въ интересахъ подсудимаго контролировать дѣятельность присяжныхъ по субсумпціи. Во всякомъ случаѣ законъ, какъ видно изъ мотивовъ № 300, рѣшительно противится внесенію въ заключительное рѣшеніе до-

казательствъ, такъ какъ разъясненіе послѣднихъ имѣло бы цѣну лишь въ томъ случаѣ, если бы предсѣдатель былъ обязанъ высказать и свой личный взглядъ о содержаніи доказательствъ для устраненія того впечатлѣнія, которое могли бы оставить на присяжныхъ одностороннія рѣчи сторонъ; но подобное воздѣйствіе на присяжныхъ чрезъ предсѣдателя „противорѣчитъ нѣмецкимъ правовоззрѣніямъ“. Но такъ какъ заключительное слово тѣсно связано съ призваніемъ присяжныхъ и съ постановкою вопросовъ, то оно и не можетъ имѣть цѣлью исключительно теоретическое освѣщеніе признаковъ преступленія: оно должно скорѣе имѣть въ виду „индивидуальное положеніе подлежащаго разрѣшенію случая“ и дать присяжнымъ „руководство къ правильной (правовой) оцѣнкѣ его“; поэтому, предсѣдательствующему не возбраняется приводить фактическія обстоятельства, насколько они служатъ къ уразумѣнію его правового наставленія (Motive, стр. 201—202). Судья долженъ, однако, разъяснять конкретныя обстоятельства лишь на тотъ случай, когда они принимаются присяжными за доказанныя, но отнюдь не входятъ въ вопросъ о доказанности ихъ. Предсѣдатель *можетъ* разъяснить предъ присяжными значеніе основнаго положенія о свободной оцѣнкѣ доказательствъ, а также поучить ихъ порядку ихъ совѣщанія и голосованія. Въ особенности же онъ обязанъ „выяснить значеніе поставленныхъ вопросовъ и взаимную между ними связь“ (см. также A. Geyer—Lehrbuch des gemeinen deutschen Strafprocessrechts, стр. 757—758). Такимъ образомъ, предсѣдатель можетъ касаться и фактическихъ данныхъ, насколько „они необходимы для пониманія его правового наставленія“; рѣшеніе же этого послѣдняго вопроса въ томъ или другомъ смыслѣ вполне зависитъ отъ усмотрѣнія предсѣдателя. Послѣдній разсматривается какъ „представитель“ коронной коллегіи, не имѣетъ полноты дискреціонной власти французскаго предсѣдателя (и въ постановкѣ вопросовъ принимаютъ участіе судъ, стороны и присяжные). Тѣмъ не менѣе, власть предсѣдателя и въ германскомъ уставѣ носитъ на себѣ характеръ инквизиціоннаго процесса: онъ не только обладаетъ распорядительною властью, но и ведетъ допросъ под-

судимаго, собираетъ доказательства (§ 237), разрѣшая лишь сторонамъ „по ихъ требованіямъ“ производство допроса свидѣтелей и экспертовъ (§ 238); наконецъ, предсѣдатель (§ 218) дѣлаетъ распоряженіе по ходатайству подсудимаго о вызовѣ новыхъ свидѣтелей или экспертовъ, онъ же „ex officio“ можетъ самъ сдѣлать распоряженіе о вызовѣ тѣхъ и другихъ, равно какъ и о доставкѣ другихъ доказательствъ (220).

Въ этихъ постановленіяхъ нельзя не видѣть остатковъ французской системы, хотя и значительно смягченной; во всякомъ же случаѣ веденіе предсѣдателемъ допроса подсудимаго, экспертовъ, представленіе новыхъ доказательствъ сторонами съ разрѣшенія предсѣдателя, или по собственному его усмотрѣнію, влія на собраніе и группировку матеріала, не можетъ не отражаться и на той части *Rechtsbelehrung* предсѣдателя, въ которой онъ приводитъ фактическія обстоятельства, хотя-бы лишь въ предѣлахъ необходимыхъ, по мнѣнію предсѣдателя, для уразумѣнія его правового наставленія. Судебная коммисія рейхстага хотѣла противодѣйствовать возможной односторонности такого изложенія и, вообще, ошибочности *Rechtsbelehrung*; предполагалось, слѣдующаго § 69 саксонскаго закона 1 октября 1868 г. и § 325 австрійскаго устава 1873 г., обязать предсѣдателя, по требованію прокуратуры или защитника, письменно излагать точно обозначенныя положенія его заключительнаго слова, прочитывать ихъ и прилагать къ протоколу; этимъ имѣлось въ виду создать возможность „ревизіи“ (въ сущности кассаціи). Но эти предположенія не вошли въ законъ, главнымъ образомъ потому, что понятіе объ обязательности для присяжныхъ наставленія о правѣ многими рассматривалось какъ не-совмѣстимое со строемъ суда присяжныхъ въ Германіи: поученіе предсѣдателя можетъ и не соответствовать взгляду суда, сами присяжные обязаны только, согласно 3 ч. § 288 устава, подавать свой голосъ „по крайнему разумѣнію и совѣсти“, и болѣе вѣрный взглядъ на право кого-либо изъ юристовъ, находящихся среди присяжныхъ, не долженъ подчиняться взгляду предсѣдателя (Geyer—*ibidem*, 758—759).

Д) Что касается, наконецъ, до австрійскаго устава 1873 г., то онъ, примыкая къ прусскому законодательству 1852 г.,

остановился на смѣшанной франко-германской системѣ: § 325, ч. 1 дѣлаетъ объясненіе предсѣдателя, именуемое то „Schlussvortrag“, то „Rechtsbelehrung“, обязательнымъ для предсѣдателя; послѣдній долженъ представить въ немъ сжатый очеркъ данныхъ судебного слѣдствія, привести въ возможной „краткости“ доказательства за и противъ обвиняемаго, но безъ выраженія собственнаго взгляда. Итакъ—здѣсь мы вполнѣ имѣемъ дѣло съ французскимъ résumé. Но дальше законъ повелѣваетъ предсѣдателю объяснить присяжнымъ „законные признаки караемаго дѣянія и значеніе выраженій закона, встрѣчающихся въ вопросахъ“, обратить вниманіе на ихъ обязанности вообще и въ особенности на предписанія закона на счетъ ихъ совѣщанія и голосованія.

Вторая часть австрійскаго Schlussvortrag, очевидно, во многомъ совпадаетъ съ германскимъ Rechtsbelehrung (см. Ulmann—Das Oesterreichische Strafprocessrecht, также Василенко-ibidem, 53—55). Австрійскій законодатель, предоставляя присяжнымъ рѣшать вопросы факта и субсумпціи (§ 318 устава), хотѣлъ вооружить предсѣдателя правомъ оказывать на нихъ законное вліяніе въ двухъ направленіяхъ, т. е. на правильное рѣшеніе ими вопросовъ факта (первая часть Schlussvortrag) и на вѣрную субсумпцію (вторая часть заключительнаго слова). Для достиженія этой послѣдней цѣли законъ (послѣдняя часть 3 п. § 323) допустилъ постановку дополнительнаго вопроса (при утвердительномъ рѣшеніи главнаго) въ тѣхъ видахъ, чтобы законный признакъ, включенный въ вопросъ, „привести къ соотвѣтствующему фактическому отношенію“. Но стороны (конецъ § 325) не могутъ ни прерывать рѣчь предсѣдателя, ни подвергать ее объясненію. Право контроля сторонъ надъ правильностью предсѣдательскаго объясненія рѣшительно предоставлено имъ въ томъ смыслѣ, что „правовое поученіе“, по требованію сторонъ, можетъ быть занесено въ протоколъ и служить, въ случаѣ его невѣрности, основаніемъ къ просьбѣ объ уничтоженіи приговора (Nichtigkeit-beschwerde), равно какъ и неправильное поученіе предсѣдателя, данное присяжнымъ въ случаѣ выраженныхъ ими во время совѣщанія сомнѣній на счетъ порядка совѣщанія, смысла вопросовъ или утвержденія отвѣта, требующихъ

новыхъ разъясненій со стороны предсѣдателя (§ 344, п. 8; § 327, часть 2).

Е) Намъ уже извѣстно, что заключительное слово отсутствуетъ въ Голландіи, Бельгіи, въ нѣсколькихъ кантонахъ Швейцаріи, а съ 1881 г. и во Франціи. Эти государства, не вводя заключительнаго слова, или отмѣняя его, имѣли въ виду французское *résumé*, со всѣми его злоупотребленіями и крайностями. Что же касается спеціально Бельгіи, то характеръ присяжнаго суда, весь политическій и общественный бытъ страны во многомъ отличны отъ таковыхъ же условій Франціи и болѣе благоприятны правильной постановкѣ и развитію этого учрежденія. Знаменитѣйшіе бельгійскіе юристы и общественное мнѣніе страны весьма рѣшительно, по словамъ Миттермайера, высказались противъ заключительнаго слова (Миттермайеръ—Европейскіе и американскіе суды присяжныхъ, стр. 164—165): отмѣна *résumé* разсматривалась тамъ какъ „шагъ на пути прогресса“, такъ какъ опытъ доказалъ, „какъ трудно предсѣдателю составить совершенно безпристрастное *résumé* и остаться нейтральнымъ, не являясь на помощь прокурору и не содѣйствуя обвиненію“. Опасность отъ *résumé* очень велика, если предсѣдатель предубѣжденъ въ виновности подсудимаго; она еще значительнѣе, если *résumé* заканчиваетъ пренія, а подсудимый и его защитникъ лишены права привести доводы въ его опроверженіе; присяжные же черпаютъ свое убѣжденіе не столько изъ самаго дѣла, сколько изъ *résumé* и едва ли будутъ слѣдить за ходомъ дѣла съ надлежащимъ вниманіемъ. *Résumé* могло бы быть благотѣльнымъ, если бы оно исходило отъ вполнѣ объективнаго предсѣдателя, но предсѣдателя рѣдко обладаютъ этимъ качествомъ, а при отсутствіи послѣдняго—*résumé* вредитъ и защитѣ и обвиненію (Миттермайеръ—*ibidem*, 165).

II.

Обратимся къ русскому законодательству.

А) Ограничены ли наши присяжные областью конкретныхъ фактовъ или же обязаны рѣшать вопросъ о виновности подсудимаго предъ закономъ?

Извѣстный сенаторъ Буцковскій, вліявшій на нашу

кассационную практику, побудилъ послѣднюю статью на первую точку зрѣнія, которую Сенатъ и проводилъ довольно упорно, хотя ему и приходилось дѣлать постоянныя отступленія отъ своего основнаго положенія и впадать въ противорѣчія, на которыя весьма обстоятельно указалъ г. Селитренниковъ „(О постановкѣ вопросовъ по рѣшеніямъ кассационнаго Сената, 1875 г.). Въ литературѣ взглядъ Сената имѣетъ лишь немногихъ приверженцевъ, изъ которыхъ нѣкоторые (напримѣръ г. Рабиновичъ— „О постановкѣ вопросовъ“ — Юридическій Вѣстникъ, 1882 г.“) все же вынуждены признать, что защищаемая ими точка зрѣнія далеко не всегда приложима въ судебной практикѣ. Приверженцевъ же противоположной точки зрѣнія, признающихъ за нашими присяжными право рѣшать вопросъ о винѣ передъ закономъ, очень много (гг. Квачевскій, Чебышевъ-Дмитріевъ, Селитренниковъ, Каллистовъ, проф. Палаузовъ и Н. Я. Фойницкій). Наиболее вѣрный приѣмъ истолкованія относящихся сюда статей Устава, а потому и убѣдительные выводы, представлены, по нашему мнѣнію, профессоромъ Палаузовымъ (*ibidem*, глава IV, стр. 76—109), который приходитъ къ заключенію, что нашимъ присяжнымъ предоставлена субсумпція конкретныхъ фактовъ подъ диспозитивную часть уголовного закона (Палаузовъ—*ibidem*, 108). Но такое призваніе нашихъ присяжныхъ, отражающееся на постановкѣ вопросовъ, должно бы привести къ тому, что законодатель будетъ налегать въ заключительномъ словѣ *главнымъ образомъ на правовой части* наставленія. Между тѣмъ, изъ мотивовъ къ Уставу уголовного судопроизводства (изд. Гос. Канц., 2-ое, подъ ст. 801, стр. 291—294), подтверждаемыхъ и содержаніемъ двухъ предложеній, выставленныхъ въ предварительныхъ работахъ по проекту того же Устава (см. Василенко—*ibidem*, стр. 71—72), усматривается, что законодатель далъ нѣкоторую точку опоры вышеуказанному взгляду сенатора Буцковскаго. Дѣйствительно, въ мотивахъ къ статьѣ 801 Уст. угол. суд. рѣшительно говорится о томъ, что объясненіе предсѣдателя имѣетъ „*главнымъ назначеніемъ* способствовать присяжнымъ засѣдателямъ *уяснить себѣ существо дѣла*, обратить ихъ вниманіе на *тѣ обстоятельства*, кото-

рыя могутъ имѣть вліяніе на разрѣшеніе предложенныхъ имъ вопросовъ и *предостеречь* ихъ отъ всякаго увлеченія въ обвиненіи или оправданіи подсудимаго“; рѣчь предсѣдателя должна *„возстановить обстоятельства дѣла въ истинномъ ихъ видѣ и значеніи“*; *пренія* сторонъ всегда болѣе или менѣе *односторонни*, въ нихъ нерѣдко встрѣчается „неточное изложеніе обстоятельствъ дѣла и неправильное опредѣленіе законнаго ихъ значенія“. Вотъ почему „рѣчь предсѣдателя должна быть послѣднимъ объясненіемъ дѣла, должна напутствовать присяжныхъ въ разрѣшеніи предложенныхъ имъ вопросовъ“. Изъ приведенныхъ словъ очевидно, что мотивы придаютъ въ заключительномъ объясненіи *первенствующее значеніе изложенію фактическигъ обстоятельствъ дѣла* и что *Rechtsbelehrung* отводится въ немъ, во всякомъ случаѣ, второе мѣсто. Такимъ образомъ, французское *résumé* оказало существенное вліяніе на составителей нашихъ Судебныхъ Уставовъ, которые (какъ и Государственный Совѣтъ) весьма довѣрчиво относились къ суду присяжныхъ; тѣмъ не менѣе, новизна этой радикальной реформы (суда съ присяжными) и трудность образованія, особенно въ первое время, вполне удовлетворительнаго состава присяжныхъ должны были вселить мысль о необходимости дать коронному представителю суда сильное средство для вліянія на вердиктъ присяжныхъ. Это средство видѣли въ правильномъ изложеніи обстоятельствъ дѣла и въ возстановленіи фактовъ, искаженныхъ или упущенныхъ сторонами.

Но было бы ошибкою полагать, что наше заключительное слово вполне совпадаетъ съ французскимъ *résumé*. Нашъ предсѣдатель не имѣетъ и тѣни дискреціонной власти французскаго предсѣдателя: онъ не обладаетъ правомъ допроса подсудимаго ни до, ни во время судебного засѣданія, безусловно лишенъ права вызывать, по собственной инициативѣ, свидѣтелей, экспертовъ и, вообще, собирать и представлять новыя доказательства. Нашъ предсѣдатель лишь дополняетъ своими распросами перекрестный допросъ свидѣтелей и экспертовъ, существующій въ нашемъ процессѣ. На-

конецъ, не онъ, а судъ въ полномъ составѣ ставитъ вопросы присяжнымъ, при дѣятельномъ участіи сторонъ, а съ недавняго времени и самихъ присяжныхъ. Все это должно отразиться на первой части (п. 1 ст. 801 Уст. угол. суд.) заключительнаго слова, такъ какъ весь строй нашего процесса въ окончательной стадіи его и роль въ ней предсѣдателя вліяютъ смягчающимъ образомъ на это „résumé“ короннаго судьи. Дальнѣйшее смягченіе французскаго характера нашего „résumé“ (именно 1 п. ст. 801 Уст.) получается благодаря тому, что конецъ перваго пункта ст. 801 и ст. 802 Уст. угол. суд. вносятъ въ заключительное слово существенныя свойства англійскаго „charge“ и современной германской „Rechtsbelehrung“. Они обязываютъ предсѣдателя объяснить присяжнымъ „законы, относящіеся къ опредѣленію свойства рассматриваемаго преступленія или проступка“, т. е. оказать имъ помощь при субсумпціи, а также „общія юридическія основанія къ сужденію о силѣ доказательствъ, приведенныхъ въ пользу и противъ подсудимаго“. Но сейчасъ же встрѣчаемъ въ законѣ существенное отступленіе отъ „charge“, именно (ст. 803 уст.)—предписаніе предсѣдателю объяснять „общія основанія къ сужденію о силѣ доказательствъ“ не въ видѣ непреложныхъ положеній (эта часть „charge“, какъ мы знаемъ, обязательна для англійскихъ присяжныхъ), но лишь въ смыслѣ „предостереженія“ отъ увлеченія къ обвиненію или оправданію подсудимаго. Наконецъ, содержаніе ст. 804 Устава, воспроизводится и „мотивами“ къ § 300 германскаго устава: предсѣдатель обязанъ у насъ напомнить присяжнымъ, что они должны опредѣлять вину или невинность подсудимаго „по внутреннему своему убѣжденію“, основанному на обсужденіи въ совокупности всѣхъ обстоятельствъ дѣла. Итакъ, наше заключительное слово сходится съ „charge“ по содержанію 2 части 1 пункта и по 2 пункту ст. 801 Уст., въ этихъ же пунктахъ и по содержанію ст. 804—съ Rechtsbelehrung; съ „charge“ оно расходится въ ст. 803 Уст., а въ 1 части 1 пункта ст. 801 — совершенно совпадаетъ съ французскимъ résumé. Въ итогѣ, заключительное слово по Судебнымъ Уставамъ полное по объему, а по содержанію свое-

му *ничто среднее*, напоминающее Schlussvortrag австрийского устава, причемъ центръ тяжести нашей системы лежитъ все-же въ изложеніи доказательствъ за и противъ подсудимаго. Наше мнѣніе рѣшительно подтверждается ст. 802 Уст., которая воспроизводитъ давнюю французскую судебную практику: *предсѣдатель* суда, въ случаѣ надобности, *возстановляетъ обстоятельства, неправильно изложенныя сторонами или истинный разумъ закона, не точно ими истолкованнаго*; но при этомъ (какъ и во французскомъ résumé) онъ не долженъ „ни приводить обстоятельствъ, не бывшихъ предметомъ судебного состязанія“, ни обнаруживать „собственного своего мнѣнія о винѣ или невинности“ подсудимаго. Наконецъ, предсѣдатель обязанъ (ст. 805 Устава) объяснить присяжнымъ, что въ случаѣ необходимости „выяснить какое-либо обстоятельство“ въ дѣлѣ, они „могутъ возвратиться въ залу засѣданія“, а при воспослѣдовавшемъ на самомъ дѣлѣ возвращеніи присяжныхъ для „объясненія по дѣлу“, предсѣдатель, *по опредѣленію суда, разъясняетъ имъ ихъ недоумѣніе*, всегда при подсудимомъ, причемъ поставленные присяжнымъ вопросы могутъ быть „исправлены или дополнены“ (ст. 808 Устава, по прод. 1890 г.).

В. Посмотримъ теперь, какъ разъясняетъ Правительствующій Сенатъ вышеприведенныя статьи, какой характеръ придаетъ онъ заключительному слову и какіе способы контроля надъ его содержаніемъ предоставляетъ онъ сторонамъ.

Нашъ законъ ничего не говоритъ о правѣ сторонъ прерывать рѣчь предсѣдателя или дѣлать по ней какія-либо исправленія или замѣчанія. Но Сенатъ *восполнилъ* это умолчаніе закона, воспретивъ въ рядѣ рѣшеній (68 г. № 829, 78 г. № 34; всѣ сенатскія рѣшенія мы цитируемъ по изд. С. Щегловитова—Уставъ уголовного судопроизводства, изд. 1892 г.) сторонамъ какъ прерывать рѣчь предсѣдателя, такъ и обращаться къ нему послѣ ея произнесенія съ заявленіями относительно „измѣненія или дополненія“ ея; стороны не могутъ также дѣлать послѣ рѣчи предсѣдателя *непосредственно* какихъ-либо заявленій. Но Сенатъ *не выдержалъ послѣдовательно* этой точки зрѣнія. Онъ *не признаетъ* (78 г. № 34 и 72 г. № 327)

„существеннымъ нарушеніемъ“ удовлетворенное предсѣдателемъ ходатайство стороны о „дополненіи“ заключительной рѣчи или объ „исправленіи“ неточности въ изложеніи ка-кого-либо обстоятельства. Логическіе выводы изъ этихъ разъясненій Сената: 1) что „исправленіе и дополненіе“ заключительнаго слова, по просьбѣ стороны, вполнѣ предоставлены усмотрѣнію предсѣдателя и 2) что вмѣшательство стороны въ „цѣляхъ исправленія или дополненія“ будетъ кассационнымъ поводомъ лишь въ томъ случаѣ, когда предсѣдатель отказалъ сторонѣ въ просимомъ ею.

Выходитъ нѣкоторая несообразность: нарушеніе внѣшняго порядка (прерваніе стороною рѣчи или просьба ея объ измѣненіи и дополненіи рѣчи), возстановленное предсѣдателемъ, отказавшимъ въ просимомъ, является кассационнымъ поводомъ, а уваженіе ходатайства сторонъ, — *противнаго*, по мнѣнію Сената, закону, — не влечетъ за собою отмѣны приговора. Во всякомъ случаѣ, нормальнымъ порядкомъ контроля сторонъ надъ правильностью заключительнаго слова является у насъ, опять же при молчаніи закона, способъ занесенія въ протоколъ, по требованію сторонъ, тѣхъ частей рѣчи предсѣдателя, въ которыхъ „нарушены требованія закона“. Своевременное констатированіе сторонами такихъ нарушеній влечетъ за собою отмѣну приговора. Сенатъ признаетъ необходимость такой отмѣны всякій разъ, когда предсѣдатель допустилъ „неправильное выясненіе юридическихъ понятій“, такъ какъ невѣрное истолкованіе ихъ „могло вызвать или дѣйствительно вывало въ присяжныхъ ту ошибку въ разрѣшеніи предложенныхъ имъ вопросовъ“, которая, по силѣ ст. 912 Уст. угол. суд., влечетъ за собою кассацию приговора (72 г. № 321, 75 г. № 165, 87 г. № 32). Сенатъ имѣетъ въ виду исключительно юридическую, а отнюдь не фактическую сторону объясненія предсѣдателя; нашъ кассационный судъ особенно нацпираетъ на обязанность предсѣдателя разъяснить „существенные признаки рассматриваемаго преступленія“ (70 г. № 1506), почему всегда влечетъ за собою кассацию вердикта неправильное выясненіе предсѣдателемъ состава даннаго преступленія и его существенныхъ призна-

ковъ, условій вмѣняемости, значенія уменьшающихъ вину обстоятельствъ и т. п. Но контроль сторонъ и возможность отмѣны вердикта допустимы лишь подъ условіями: 1) *занесенія* неправильностей въ протоколъ, 2) *притомъ своевременнаго: начальный моментъ* требованія о занесеніи въ протоколъ—*удаленіе присяжныхъ* въ совѣщательную комнату (85 г. № 13), а *конечный—предъявленіе* сторонамъ протокола. Впрочемъ, по замѣчаніямъ сторонъ на протоколъ, не председатель, а *судъ* удостоверяетъ о правильности или неправильности этихъ замѣчаній. Заслуживаетъ вниманія требованіе Сената, чтобы занесеніе въ протоколъ замѣчаній сторонъ слѣдовало *за удаленіемъ присяжныхъ* въ совѣщательную комнату, изъ чего можно заключить, что Сенатъ тщательно оберегаетъ авторитетъ председательскаго слова и желаетъ, чтобы оно оказывало возможно большее вліяніе на присяжныхъ. Сенатъ опасается, чтобы требованія сторонъ, высказанныя *при* присяжныхъ, не внушили послѣднимъ сомнѣній въ вѣрности заключительной рѣчи.

Что главное вниманіе Сената при контролѣ надъ заключительнымъ словомъ председателя обращено на правильное выясненіе присяжнымъ состава преступленія и существенныхъ свойствъ судимаго дѣянія, явствуетъ также изъ того, что онъ предписываетъ председателю выяснять присяжнымъ содержаніе ст. 812 Уст., которая разрѣшаетъ имъ „дать надлежащее значеніе ихъ отвѣту *прибавленіемъ* къ установленнымъ выраженіямъ нѣкоторыхъ словъ“ (наприм., „виновенъ, но безъ предумышленія“). Это понятно и послѣдовательно, такъ какъ дополненія и ограниченія въ отвѣтахъ могутъ существенно вліять на квалификацію дѣянія предъ уголовнымъ закономъ и на признаніе или отрицаніе особо увеличивающихъ или особо уменьшающихъ вину обстоятельствъ, отражающихся на степени, а иногда и на родѣ наказанія. Сенатъ отмѣнялъ вердиктъ присяжныхъ за неисполненіемъ председателемъ этой обязанности (71 г. № 1260, 76 г. № 155), хотя-бы даже въ протоколѣ отмѣчено было объ объясненіи председателемъ содержанія ст. 812 Уст., если только изъ него усматривалось „*неясное пониманіе*“ присяжными этой статьи и затрудненіе

ихъ по дачѣ отвѣтовъ на вопросы (71 г. № 1260). Разъясненіе присяжнымъ ихъ права отвергнуть „каждое обстоятельство“, приведенное въ вопросѣ, безусловно обязательно для предсѣдателя, если бы даже такое обстоятельство входило въ составъ преступленія, какъ одинъ изъ существенныхъ его признаковъ (90 г. № 32).

Далеко не такъ настойчивъ Сенатъ въ своемъ контролѣ надъ исполненіемъ предсѣдателемъ его обязанности преподавать присяжнымъ правильное наставленіе объ общихъ юридическихъ основаніяхъ къ сужденію о силѣ доказательствъ рго и contra подсудимаго, а также не обнаруживать своего собственного мнѣнія о винѣ или невинности подсудимаго. Такъ, онъ рѣшительно не допускаетъ кассациі вердикта за нарушеніемъ предсѣдателемъ ст. 803 Уст., признавая однако, что несоблюденіе требованія этой статьи „составляетъ *существенное* нарушение обязанностей предсѣдателя“ (70 г. № 38). Такимъ образомъ, всѣ объясненія предсѣдателя, касающіяся „общихъ основаній къ сужденію о силѣ доказательствъ“, могутъ быть изложены имъ, безъ всякихъ послѣдствій для приговора, въ видѣ „непреложныхъ положеній“. Но въ такомъ случаѣ зачѣмъ же существуетъ ст. 803 уст., основанная на „ученіи о доказательствахъ“, положенія котораго зиждутся больше на „приблизительныхъ обобщеніяхъ“? Сенатъ предоставляет предсѣдателю возможность оказать на присяжныхъ громадное давленіе отъ имени такихъ яко-бы „непреложныхъ истинъ“ и побуждать судей совѣсти къ произнесенію вердиктовъ не свободныхъ и не вытекающихъ изъ внутренняго ихъ убѣжденія. Входя неоднократно въ разъясненія обязанности предсѣдателя по сужденію о силѣ доказательствъ, Правительствующій Сенатъ въ одномъ изъ извѣстныхъ рѣшеній по громкому дѣлу (87 г. № 32) заявляетъ, правда, что „несогласны съ закономъ“ указанія предсѣдателя на то, что присяжные должны, при рѣшеніи вопроса о виновности, принять въ соображеніе „поведеніе и способы защиты подсудимаго на судѣ“. Но за то въ рядѣ другихъ рѣшеній, создавшихъ цѣлую систему, кассационный судъ не признаетъ „достаточнымъ поводомъ“ къ отмѣнѣ рѣшенія какъ тотъ случай,

когда, наприм., председатель „изложилъ доводы обвиненія со всею подробностью“, а доводы защиты *кратко* (70 г. № 164), такъ равно и случай заявленія председателемъ, что въ подтвержденіе объясненія подсудимаго, даннаго имъ суду, „не имѣется доказательствъ въ дѣлѣ“ (69 г. № 1079), или употребленіе имъ выраженій, слышномъ ясно выражающихъ его личный взглядъ на виновность подсудимаго, напр., „аффекта въ дѣйствіяхъ подсудимаго быть не могло“ (74 г. № 372). Интересно, что въ этомъ послѣднемъ случаѣ Сенатъ не усмотрѣлъ, чтобы указанная выраженія могли, „по свойству своему имѣть существенное значеніе“!

И вообще въ руководящихъ рѣшеніяхъ своихъ Правительствующій Сенатъ придерживается не столько установленія начала равновѣсія сторонъ въ поводахъ къ отмѣнѣ вердикта, сколько принципа ограниченія ихъ скорѣе во вредъ защитѣ, т. е. санкціонируетъ болѣе обвинительную тенденцію заключительной рѣчи председателя. Такъ, „не есть достаточный поводъ“ къ кассациі, когда председатель объяснилъ присяжнымъ, что показаніе потерпѣвшаго— „неопровержимое доказательство“, если они признаютъ извѣстныя условія при оцѣнкѣ его показаній (72 г. № 310); но въ то-же время Сенатъ отмѣняетъ вердиктъ по протесту прокурора или жалобѣ гражданского истца, если председательская рѣчь явно отвергаетъ какое-либо изъ обвиненій, направленныхъ противъ подсудимаго, вмѣсто того, чтобы выдѣлить, въ виду возникшихъ по этому поводу сомнѣній, для обсужденія присяжныхъ вопросъ о событіи преступленія (83 г. № 27). Наконецъ, Сенатъ возбраняетъ высказываться о наказаніи, грозящемъ подсудимому, но свелъ это запрещеніе къ мертвой буквѣ (66 г. № 84), не признавъ его повеломъ къ отмѣнѣ рѣшенія.

Что же касается фактической стороны дѣла, то въ этомъ отношеніи Сенатъ издавна очень твердо держится принципа— *предоставленія председателю полной свободы*. Онъ рѣшительно отказывается въ кассациі за нарушеніемъ председателемъ 1 части 1 пунк. ст. 801 Уст. Такъ, не ведетъ къ отмѣнѣ дефектъ заключительнаго слова при доказанной неполнотѣ его (68 г. № 307, 76 г. № 180), хотя-бы даже

„сущность рѣчи была занесена въ протоколъ“ (70 г. № 335), при указаніи на *односторонность* или *несоотвѣтствіе* ея съ *обстоятельствами дѣла* (71 г. № 1762), хотя-бы и было доказано, что председатель говорилъ объ обстоятельствахъ „*побочныхъ* существо дѣла“ (72 г. № 71), или что онъ не объяснилъ присяжнымъ „*неправильности сдѣланныхъ* сторонами *выводовъ*“ (1884 г. № 29). Такимъ образомъ, явная односторонность и доказанное несоотвѣтствіе председательской рѣчи съ обстоятельствами дѣла вполнѣ допущены Сенатомъ, который санкціонировалъ этимъ общепризнанную слабую и опаснѣйшую сторону французскихъ *résumé*. Единственное въ этомъ отношеніи ограниченіе выдвинуто Сенатомъ относительно *новыхъ обстоятельствъ*: председателю рѣшительно возбраняется ссылатся, подъ угрозой кассациі, на обстоятельства, не бывшія предметомъ судебного слѣдствія и преній сторонъ“ (1870 г. № 225). Наконецъ, требуя отъ заключительнаго слова *полноты*, т. е. изложенія существенныхъ обстоятельствъ дѣла, объясненія точнаго смысла закона (законныхъ признаковъ преступленія), выясненія основаній къ сужденію о силѣ доказательствъ за и противъ подсудимаго, указанія порядка совѣщаній и правилъ постановленія рѣшеній и разъясненія относительно неправильностей, допущенныхъ сторонами въ преніяхъ, предоставляя въ то-же время „*усмотрѣнію* председателя“ *объемъ и порядокъ изложенія* обстоятельствъ дѣла и юридическихъ понятій (не допуская въ этомъ отношеніи контроля кассационнаго суда),—Сенатъ *обязываетъ* председатели этою *полнотою* его заключительной рѣчи (1870 г. № 1506, 1869 г. № 686, 1868 г. № 49, 1875 г. № 320, 1871 г. № 470, 1875 г. № 317). Но, въ явное противорѣчіе съ этими требованіями, онъ *не отмѣняетъ* рѣшенія при доказанной *неполнотѣ* председательской рѣчи (1872 г. № 132, 1876 г. № 180). Изъ сопоставленія разныхъ рѣшеній Сената можно прійти къ заключенію, что безусловно обязательными онъ считаетъ для председателя лишь: а) объясненіе законныхъ признаковъ преступленія, б) порядка совѣщанія и правилъ постановленія рѣшеній и с) выясненіе содержанія статьи 812 Устава.

Резюмируя сказанное, можно прийти къ такимъ заключеніямъ. Сенать придаетъ заключительному слову скорѣе значеніе *Rechtsbelehrung*, и притомъ больше всего по отношенію къ разъясненію законныхъ признаковъ преступленія и его квалификаціи (вторая часть 1 п. ст. 801 и ст. 812 Устава), объясненія порядка совѣщанія присяжныхъ и постановленія ими рѣшенія. По этимъ пунктамъ онъ строго контролируетъ заключительное слово, признаетъ допущенія въ указанныхъ отношеніяхъ неправильности *моущими вліять на вердиктъ*, а потому и подлежащими отмены.

Всему остальному содержанію заключительной рѣчи Сенать придаетъ условное, второстепенное значеніе, допуская ограниченіе ея полноты, а изложенію доказательствъ рго и contra. при явномъ даже выраженіи собственнаго мнѣнія предсѣдателя, онъ не придаетъ никакого существеннаго значенія, предоставляя предсѣдателю дѣйствовать въ этомъ отношеніи даже явно односторонне. Такимъ образомъ, Сенать совершенно уклонился отъ мысли закона, придававшего большое, почти рѣшающее значеніе изложенію доказательствъ и невыраженію предсѣдателемъ собственнаго мнѣнія о винѣ подсудимаго и, обративъ эту часть предсѣдательскаго слова во французское *résumé*, открылъ просторъ злоупотребленіямъ.

III.

I. Необходимость заключительнаго слова подвергалась обстоятельному обсужденію русскихъ юристовъ еще въ концѣ 70-хъ годовъ, (см. докладъ В. Д. Спасовича и вызванныя имъ пренія въ „протоколахъ уголовного отдѣленія петербургскаго юридическаго общества“ — Журналъ гражданского и уголовного права, за 1878 годъ). Мы ограничимся изложеніемъ и оцѣнкою лишь главнѣйшихъ положеній. Одни признаютъ безусловную необходимость заключительнаго слова (напр., гг. Спасовичъ, В. Володиміровъ, А. О. Кош, П. В. Макалинскій, Н. Я. Фойницкій, Василенко). Другіе (напр., Н. А. Неклюдовъ, К. К. Арсеньевъ, проф. Микляшевскій) высказываются лишь за условную его необходимость. Но въ обѣихъ

группахъ мнѣній встрѣчаются различія въ пріемахъ доказыванія и даже въ основныхъ точкахъ отправленія.

Такъ, среди приверженцевъ перваго мнѣнія выдѣляется воззрѣніе проф. Володимірова. Онъ видитъ главную цѣль резюме въ сообщеніи присяжнымъ *познаній закона*, необходимыхъ для рѣшенія дѣла, почему его нельзя устранить даже при присяжныхъ вполне развитыхъ. Другіе юристы той-же группы доказываютъ, что заключительное слово „содѣйствуетъ установленію соглашенія мнѣній присяжныхъ“, такъ какъ оно даетъ каждому изъ нихъ возможность черпать изъ авторитетнаго заключительнаго слова „данныя для подкрѣпленія своего убѣжденія“ (А. Ф. Кони); наконецъ, утверждаютъ еще (И. Я. Фойницкій), что *résumé* необходимо *по всякому дѣлу*, потому, что „не имѣется достаточныхъ основаній къ раздѣленію дѣлъ на сложные и несложные“: нерѣдко обстоятельство, само по себѣ пустое, можетъ возбудить рядъ вопросовъ, затруднительныхъ для рѣшенія. Во второй группѣ воззрѣній „условная необходимость“ резюме мотивируется тоже весьма различно. Одни (Н. А. Неклюдовъ) утверждали, что оно „есть безусловно необходимая часть уголовного процесса“. Существованіе его вызывается „исключительно *неудовлетворительностью нынѣшняго состава присяжныхъ*“; поэтому оно допустимо лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда сами присяжные или председатель признаютъ его нужнымъ. Другіе (К. К. Арсеньевъ) признаютъ „излишество резюме“ по значительной части дѣлъ, среди которыхъ преобладаютъ „простыя и несложныя“, не требующія содѣйствія председателя въ опредѣленіи свойства преступленій и въ оцѣнкѣ доказательствъ; но право рѣшать въ отдѣльномъ случаѣ—необходимо ли резюме—должно быть предоставлено одному председателю, такъ какъ сами присяжные, стремящіеся къ „возможно скорому производству дѣла“, могутъ рѣшить вопросъ о необходимости резюме съ „недостаточною осмотрительностью“. Хорошо формулируетъ условную необходимость заключительнаго слова проф. Микляшевскій. Для опредѣленія пользы его нужно предварительно рѣшить—„насколько подготовлены присяжные къ исполненію своего долга“: если признать ихъ обладающими

всѣми качествами, необходимыми для правильной оцѣнки вины подсудимаго, то заключительное слово, особенно съ характеромъ французскаго резюме, должно быть *исключено* изъ процесса; если же находимъ, что присяжные *недостаточно подготовлены* къ исполненію задачи, тогда оно „неизбѣжно необходимо“ (Микляшевскій — *ibidem*, 64). Профессоръ признаетъ даже „вредъ“ заключительнаго слова, если присяжные „достаточно подготовлены къ своему призванію“.

Самая постановка общаго вопроса о безусловной необходимости или безусловной ненужности заключительнаго слова представляется намъ нецѣлесообразною, даже опасною, такъ какъ правильное разрѣшеніе его стоитъ въ неразрывной связи съ тѣмъ содержаніемъ, которое вкладается въ заключительное слово, съ его объемомъ и характеромъ. Такъ, намъ не представляется достаточно убѣдительною защита безусловной необходимости резюме, орудующая доводами чисто логическаго свойства. Таковы, на примѣръ, соображенія г. Василенко (*ibidem*, 107—111): въ каждомъ спорѣ дебатирующіе должны сойтись на общемъ нейтральномъ пунктѣ, или же разойтись при отсутствіи послѣдняго; для правильной же аргументаціи требуются — общая точка отправленія, установленная конечная цѣль и нѣкоторая солидарность почвы, на которой возникаютъ доводы. Если же въ дебатахъ участвуютъ многія лица, то необходимо предоставить *одному* управленіе ходомъ аргументаціи. Онъ долженъ, по возможности, удержаться отъ участія въ спорѣ, насколько это возможно при классифицированіи и группированіи аргументовъ; поэтому, при обсужденіи важныхъ вопросовъ многими лицами полезно резюмирование мнѣній и постановка отдѣльныхъ вопросовъ, чтобы прійти къ опредѣленному выводу. Резюме бываетъ при этомъ „краткимъ конспектомъ всей аргументаціи и должно отмѣтить главные положенія ея“. Между судебными преніями и дебатами существуетъ замѣтное различіе, но общія логическія основанія ихъ — одинаковы, изъ чего слѣдуетъ вывести заключеніе о необходимости резюме на судѣ (*ibidem*, 111), хотя такой выводъ и *не рѣшаетъ вопроса объ объемѣ и характерѣ судебного резюме* (*ibidem*). Противъ этой аргументаціи можно возражать.

1) Если судья, какъ лицо незаинтересованное въ рѣшеніи спора и авторитетное, долженъ руководить посредствомъ резюме присяжныхъ, рѣшающихъ судебный споръ, то послѣдовательность требовала бы, чтобы самъ судья присутствовалъ въ совѣщательной комнатѣ и руководилъ тамъ преніями присяжныхъ (женевская система). Но тогда авторитетный руководитель спора окажетъ давленіе на присяжныхъ, стѣснить ихъ свободу. Если же присяжные одни засѣдаютъ въ совѣщательной комнатѣ, то послѣдствіе *résumé* можетъ быть одно изъ двухъ: а) или присяжные будутъ вполне руководствоваться словами предсѣдателя, т. е. опять же не присяжные, а предсѣдатель будетъ рѣшать вопросъ о виновности, в) или же судьи народные не послѣдуютъ за предсѣдательскими указаніями и тогда резюме—„безполезная формальность“ (Микляшевскій.—*ibidem*, 64). 2) Роль руководителя спора среди присяжныхъ можетъ быть создана закономъ въ лицѣ ихъ старшины. 3) 12 человѣкъ, признанныхъ *достаточно* способными къ рѣшенію возлагаемой на нихъ задачи (безъ этой презумпціи нѣтъ и *raison d'être* для суда присяжныхъ), сами могутъ, если не всегда, то очень часто, вести споръ, орудуя здравымъ смысломъ, и найти „нейтральную почву“. 4) Опытъ подтвердилъ вѣрность мнѣнія г. Арсеньева: намъ лично извѣстны многіе дѣла, въ которыхъ резюме не вызывалось никакой необходимостью; послѣдняя можетъ появиться тогда лишь, когда есть споръ, а между тѣмъ нерѣдки дѣла совсѣмъ неспорны! Сколько разъ намъ приходилось участвовать въ рѣшеніи или присутствовать при разборѣ дѣлъ, въ родѣ, напримѣръ, слѣдующаго: рецидивистъ на улицѣ или на желѣзной дорогѣ вытащилъ бумажникъ съ нѣсколькими сотнями рублей, пойманъ съ поличнымъ, во всемъ сознался на слѣдствіи и судѣ, уличенъ 3—4 свидѣтелями „не опороченными и достовѣрными“; никакихъ „эпизодовъ“, умудряющихъ или запутывающихъ дѣло, на судѣ не всплыло. Интересно знать, что приходится въ такомъ дѣлѣ „резюмировать“ предсѣдателю? „Какая имѣется „логическая потребность“ въ заключительномъ словѣ для рѣшенія „спора“, если дѣло случайно чѣмъ-либо не осложняется? И вотъ намъ и другимъ,

конечно, приходилось по этимъ дѣламъ выслушивать такіа *résumé*: „обстоятельства дѣла очень просты, не возбуждаютъ никакого сомнѣнія, вопросы, поставленные вамъ, г.г. присяжные, тоже“; изложу вамъ „порядокъ совѣщанія и постановки рѣшенія“. Слѣдовательно, председатель не давалъ никакой логической аргументаціи спора, не сводилъ его къ итогу, а ограничивался правовымъ поученіемъ, въ самомъ узкомъ смыслѣ послѣдняго, сводя его къ изложенію порядка голосованія и отвѣтовъ на вопросы.

Итакъ, *логическая потребность „résumé“ ощущается далеко не по всѣмъ дѣламъ*; по многимъ процессамъ „систематизація“ матеріала дѣла—простое, скучное пережевываніе того, что уже систематизировано, вполне оцѣнено и понято присяжными, блѣдное воспроизведеніе, не всегда полное, изложеннаго уже сторонами и свидѣтелями. Но невозможно также *отвергать для всѣхъ дѣлъ необходимость какого бы то ни было заключительнаго слова*. Примѣры Бельгіи, нѣкоторыхъ кантоновъ Швейцаріи и современной Франціи сами по себѣ говорятъ лишь противъ французскаго *„résumé“*, а не противъ заключительнаго слова вообще. Присяжные *въ полномъ ихъ составѣ* никогда не возвысятся до того, чтобы быть юристами, а между тѣмъ они должны подводить факты подъ законный составъ преступленія; слѣдовательно, судья, какъ юристъ, долженъ руководить ими при рѣшеніи этой стороны ихъ задачи, за исключеніемъ тѣхъ безусловно легкихъ и неспорныхъ дѣлъ, обставленныхъ особо благопріятными условіями для достиженія цѣлей правосудія, въ которыхъ не представляется надобности даже въ *Rechtsbelehrung*. Но и въ этихъ „пустыхъ дѣлахъ“ необходимость *Rechtsbelehrung* (и вообще заключительнаго слова) должна рѣшаться какъ судьей, такъ и присяжными. Судья есть руководитель, отвѣтственный предъ судомъ и закономъ, почему ему всегда должно быть предоставлено право рѣшить, оцѣнивъ всѣ особенности даннаго случая, о полезности или излишествѣ его *résumé* по вышеуказаннымъ дѣламъ. Но судья можетъ ошибиться, не доглядѣть этой потребности въ данномъ случаѣ; ему не всегда могутъ быть

ясны сомнѣнія и колебанія присяжныхъ; слѣдовательно, и послѣдніе должны быть вооружены правомъ просить предсѣдателя о произнесеніи заключительнаго слова. Есть еще мнѣніе, видимымъ представителемъ котораго въ русской литературѣ является профессоръ И. Фойницкій (Курсъ угол. суд., II, стр. 235), доказывающее безусловную необходимость *résumé* тѣмъ, что оно „кладетъ извѣстный интервалъ между страстными рѣчами сторонъ и постановленіемъ вердикта“. Но во множествѣ пустыхъ дѣлъ нѣтъ никакой страстности, никакого „увлеченія“ присяжныхъ, которое надлежало бы охладить введеніемъ такого интервала; по другимъ же дѣламъ достаточнымъ охлажденіемъ и успокоеніемъ является естественный интервалъ между преніями и постановкою вопросовъ. Наконецъ, не проще ли сдѣлать простой „перерывъ“ для успокоенія умовъ и страстей, что вполнѣ зависитъ отъ благоразумія предсѣдателя?

Такимъ образомъ, заключительное слово *не есть безусловная необходимость*, а когда оно является *необходимымъ*, то надлежитъ еще опредѣлить его объемъ и содержаніе. Слѣдовательно, заключительная рѣчь предсѣдателя—*условно необходима для нѣкоторыхъ* (хотя-бы и для большинства) *дѣлъ*, и надлежитъ обозначить ея объемъ.

II) А) Намъ представляется сомнительною необходимость фактической части заключительнаго слова, т. е. изложенія содержанія доказательствъ, бывшихъ предметомъ судебного изслѣдованія. Допустимъ, что присяжные рѣшаютъ только вопросы факта; но и въ этомъ случаѣ за ними должно признать способность къ исполненію этой обязанности, которая сводится къ здравому смыслу *средняго* человѣка, т. е. къ обыкновеннымъ логическимъ операціямъ, къ ординарному чутью, даруемому обыкновеннымъ житейскимъ опытомъ и наблюденіемъ. А въ такомъ случаѣ на самихъ же присяжныхъ должна лежать и обязанность дѣлать очередь собранныхъ по дѣлу доказательствъ, облеченіе же этою ролью президента суда—безполезно (Микляшевскій—*ibidem*, 65). Въ наукѣ уже давно раздаются голоса противъ необходимости и полезности этого отдѣла заключительнаго слова (Schäffer, Krawel; см.

Мияшевскій — *ibidem*; также статью С. Викторскаго — Русская Мысль, Апрель 1895 г.). Если дѣло просто и малоспорно, то на предсѣдателя возлагаютъ бесполезную и всегда неблагодарную роль излагателя и систематизатора доказательствъ, уже уяснившихся присяжнымъ послѣ слѣдствія и преній; этимъ только замедляютъ ходъ процесса, утомляя присяжныхъ и обращая предсѣдательскую рѣчь въ пустую формальность. Если же обстоятельства спорны и сложны, то 12 человекъ, если они поставлены строемъ процесса въ условія благопріятныя для открытія истины, разберутся въ нихъ не хуже предсѣдателя, хотя-бы и ученѣйшаго юриста. Въ этомъ второмъ случаѣ присяжные взаимно восполняютъ другъ друга: то, что упустили изъ виду память и вниманіе одного или нѣсколькихъ, возстановляется памятью и вниманіемъ другихъ; а въ общемъ совѣщаніи, въ которомъ *все* другъ другу помогаютъ, дѣло разбирается вдоль и поперекъ. Слабость или недомысліе одного исправляются силою и сообразительностью, памятью другаго. Критикуемая же система хочетъ возложить на *одного* предсѣдателя то, что дается лишь *многимъ*, послѣ дружнаго обсужденія дѣла. Предсѣдатель долженъ явиться *совершенствомъ* для того, чтобы быть въ состояніи въ сложномъ и спорномъ дѣлѣ: 1) внимательно слушать и запомнить *все* существенное; 2) отвлекаясь въ то-же время отъ исполненія этой задачи обязанности руководить ходомъ слѣдствія и преній, поддерживать внѣшній порядокъ засѣданія; 3) уметь въ сжатомъ очеркѣ *систематизировать все объективно важное*, понявъ притомъ, что именно нужно присяжнымъ въ данномъ дѣлѣ, что ихъ волнуетъ и затрудняетъ; 4) быть высоко объективнымъ, т. е. способнымъ отрѣшиться отъ личныхъ взглядовъ и мнѣній, которыя, какъ бы ни старался онъ скрыть ихъ, всплывутъ наружу въ самой систематизаціи имъ матеріала и въ способѣ отношенія его къ доказательствамъ. Слабость отдельнаго, хотя-бы и вполне авторитетнаго лица, всегда выскажется: никогда нельзя поручиться за то, что предсѣдатель изложитъ даже главнѣйшія обстоятельства дѣла. Обязаніе предсѣдателя излагать главнѣйшіе доводы *pro* и *contra* можетъ

вліять пагубно на присяжныхъ и въ томъ смыслѣ, что по дѣламъ сложнымъ и продолжительнымъ они могутъ пона- дѣяться на слово предсѣдателя болѣе, чѣмъ на собственное наблюденіе и изслѣдованіе; а въ такомъ случаѣ приговоръ ихъ постановляется не столько на основаніи „всего увидѣн- наго и услышаннаго ими на судѣ“, сколько на основаніи довѣрія къ заключительному слову судьи, который и является въ сущности авторомъ вердикта.

Если, наконецъ, и встрѣчаются дѣла, въ которыхъ всплываютъ разныя обстоятельства спеціальнаго свойства, тре- бующія техническихъ поясненій, или процессы, своеобразное содержаніе которыхъ вызываетъ необходимость оказанія при- сяжнымъ особой помощи для уразумѣнія, систематизированія и правильной оцѣнки фактическихъ данныхъ дѣла, то дости- женіе этихъ цѣлей возможно при помощи экспертизы, или же посредствомъ образованія особаго состава народныхъ су- дей (спеціальные присяжные; см. нашу статью въ Русской Мысли за 1895 г., Январь и Февраль), съ повышеннымъ цензомъ. Вѣрно замѣчаетъ опытный юристъ-практикъ С. Хрулевъ („Судъ присяжныхъ“ — 1886 г., стр. 118—121, главы XVII и XVIII), что законъ нашъ желалъ, чтобы объясненія предсѣдателя имѣли на рѣшеніе присяжныхъ „большое и по- лезное вліяніе“; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ ограждалъ присяж- ныхъ отъ „личныхъ мнѣній“ предсѣдателя, обязавъ послѣд- няго объяснять существенныя обстоятельства дѣла, *отнюдь не обнаруживая своего личного мнѣнія*, а общія юридиче- скія основанія къ сужденію о силѣ доказательствъ излагать не въ смыслѣ непреложныхъ правилъ, но лишь въ смыслѣ „предостереженія“ отъ увлеченія. Но эти благія пожеланія закона не осуществлены и не могутъ быть осуществлены: законъ видитъ въ предсѣдателѣ *истинно безпристрастнаго судью* и, въ то-же время, „стремится оградить присяжныхъ отъ его личного мнѣнія“. На самомъ же дѣлѣ истинно без- пристрастный, идеальный судья — „типъ недостижимый“ въ дѣйствительности! Въ самихъ же опредѣленіяхъ закона о порядкѣ дѣятельности предсѣдателя имѣется „явное противо- рѣчіе“, которое и въ теоріи указываетъ на невозможность

предсѣдателю исполнять свою обязанность такъ, какъ она опредѣлена законодателемъ: предсѣдатель долженъ направлять дѣло такъ, чтобы способствовать раскрытію истины; между тѣмъ послѣдняя далеко *не всегда известна ему*, такъ какъ онъ вѣдаетъ лишь „обстоятельства дѣла“ по актамъ предварительнаго и судебного слѣдствія. Такимъ образомъ, онъ можетъ „направлять дѣло не столько къ раскрытію истины“, сколько „направить производство къ всестороннему разъясненію дѣла“. Подъ понятіемъ „истины“ каждый предсѣдатель непременно подразумеваетъ „свое убѣжденіе по дѣлу“, которое онъ, въ качествѣ истины, считаетъ нужнымъ осуществить въ приговорѣ суда; но такое убѣжденіе предсѣдателя, почитаемое имъ за истину, составляется имъ по предварительному слѣдствію; поэтому судебное слѣдствіе, направляемое прямо къ разъясненію убѣжденія предсѣдателя, „весьма часто направляется не къ раскрытію истины“. Очевидно также, что человѣкъ, рассказывая обстоятельства какого-либо дѣла, „*не можетъ не высказать такъ или иначе своего мнѣнія* или не придать рассказу известнаго оттѣнка, соотвѣтствующаго его взгляду на дѣло“.

Такимъ образомъ, на судѣ предсѣдатель обязанъ направлять ходъ дѣла къ раскрытію *истины*, т. е. къ разъясненію своего убѣжденія, а въ резюме, которое напутствуетъ присяжныхъ въ ихъ рѣшеніи, онъ же долженъ изложить имъ свое убѣжденіе о дѣлѣ, скрывая отъ нихъ, что это его мнѣніе (Хрулевъ, *ibidem.*, стр. 122—124). Но въ болѣе сложныхъ дѣлахъ предсѣдатель *долженъ* ограничиться краткимъ указаніемъ на обстоятельства дѣла, т. е. выбрать изъ нихъ *то, что кажется ему* болѣе существеннымъ; но тутъ-то и *сказывается его мнѣніе*, такъ какъ сила и значеніе уликъ и доказательствъ „опредѣляется каждымъ соотвѣтственно своему я“, почему характеръ убѣжденія предсѣдателя непременно долженъ сказаться въ резюме, хотя-бы прямо онъ даже не намекалъ на свое мнѣніе (*ibidem.*, 125). Сказанное подрываетъ ходячее мнѣніе о частомъ пристрастіи предсѣдательскихъ резюме: на самомъ дѣлѣ вполне возможно, что три предсѣдателя, искренно *желавшіе быть безпристрастными*,

произносили по одному и тому-же дѣлу (дважды кассированному) три резюме, различные по своему характеру и по произведенному ими впечатлѣнію (*ibidem*, 126). А если принять во вниманіе, что „довѣріе—та почва, на которой человѣкъ скорѣе всего найдетъ сочувствіе своему убѣжденію, и что присяжные смотрятъ на обвинителей и защитниковъ обыкновенно какъ на заинтересованныхъ исходомъ дѣла, то очевидно, что предсѣдатель находитъ въ присяжныхъ, взирающихъ на него какъ на авторитетъ, которому они обязаны довѣряться, слушателей, относящихся къ нему съ полнымъ довѣріемъ, расположенныхъ слѣдовать его убѣжденіямъ, а слѣдовательно и взгляду на дѣло, который проглядываетъ въ его резюме“. Поэтому, они и рѣшаютъ дѣло не только по даннымъ слѣдствія, преній сторонъ, объясненіямъ подсудимаго, но еще „и на основаніи взгляда предсѣдателя, могущаго производить на нихъ впечатлѣніе болѣе сильное, чѣмъ стороны“ (*ibidem*, стр. 131—133). Это убѣдительное разсужденіе заканчивается предложеніемъ *ограничить* право судьи касаться въ резюме обстоятельствъ дѣла „только тѣми случаями, когда стороны извратятъ ихъ въ своихъ доводахъ“ (*ibidem*, стр. 166; также С. Викторскій—*ibidem*). Тогда только судья будетъ „болѣе объективенъ и подойдетъ къ типу судьи, установленному Судебными Уставами“.

Напрасно ссылаются на „charge“: въ Англіи другіе судьи и иныя условія, которыя еще не могутъ быть пересажены на нашу почву (Микляшевскій—стр. 68—69). Да и тамъ „charge“—не безусловно обязательно, фактическое же изложеніе еще чаще изъ него *выпускается*, а система *résumé*, покоящаяся именно на фактической сторонѣ, погибла въ самой Франціи и видимо постепенно вытѣсняется изъ новѣйшихъ процессуальныхъ уставовъ. Вопросъ о желательности указанія присяжнымъ существенныхъ обстоятельствъ дѣла, *обнаруженныхъ* слѣдствіемъ, но не приведенныхъ сторонами въ преніяхъ, рѣшенъ (большинствомъ) въ петербургскомъ юридическомъ обществѣ утвердительно. Одни (напр. А. О. Кони и г. Зубовъ) опирались при этомъ на слѣдственно-состязательномъ началѣ нашего процесса, требующемъ *самостоятельнаго* от-

ношенія предсѣдателя къ преніямъ сторонъ, а другіе (В. Володиміровъ), исходя изъ принципа состязательности процесса съ присяжными, полагали, что предсѣдатель не долженъ самъ собирать доказательствъ; впрочемъ, нѣкоторые, напримѣръ, профессоръ В. Володиміровъ, допускали за предсѣдателемъ право на пополненіе, въ предѣлахъ судебного слѣдствія, про- бѣловъ, допущенныхъ въ судебныхъ преніяхъ одною только *защитою*, а не обвиненіемъ, въ виду того, что предсѣдатель обязанъ предоставлять всѣ возможные средства защиты обви- няемому, но не обвинителю. Намъ кажется, что нѣтъ доста- точныхъ основаній къ утвердительному рѣшенію поставлен- наго вопроса, такъ какъ разъ какое-нибудь *существенное* обстоятельство фигурировало на *судебномъ слѣдствіи*, то оно сохранится въ памяти хотя нѣсколькихъ присяжныхъ, если бы даже стороны о немъ и умолчали въ преніяхъ. Иное дѣло— „искаженіе“ обстоятельствъ дѣла сторонами; оно можетъ быть сдѣлано достаточно ловко, можетъ смутить присяжныхъ, ко- торые, не встрѣчая разъясненія со стороны предсѣдателя, будутъ поставлены въ затрудненіе. Поэтому, нельзя не пре- доставить предсѣдателю права, въ случаѣ признанія имъ об- стоятельства за существенное, возстановить его въ истинномъ видѣ. Наконецъ, долженъ быть разрѣшенъ въ утвердительно- мъ смыслѣ и споръ, вызвавшій большія разнорѣчія („Прото- колы“, стр. 15—16), о томъ—является ли безусловно суще- ственнымъ нарушеніемъ приведеніе предсѣдателемъ въ резюме обстоятельствъ, „не бывшихъ предметомъ судебного изслѣдова- нія“. 1) Достоувѣрность считается раздобытою на судѣ, если при нахожденіи ея соблюдены основныя логическія требова- нія процесса; а въ числѣ послѣднихъ имѣется и то, которое предписываетъ давать вердиктъ лишь на основаніи данныхъ, добытыхъ и провѣренныхъ сторонами и оцѣненныхъ судьями (присяжными). Этимъ условіямъ не удовлетворяетъ обстоя- тельство, приведенное впервые предсѣдателемъ въ его рѣчи. 2) Не- возможно заранѣе опредѣлить значительность или слабость влія- нія такого внезапно появившагося изъ устъ предсѣдателя доказа- тельства на вердиктъ, такъ какъ существенность или несуще- ственность новаго даннаго—понятія очень условныя, состоящія

въ связи со всѣми другими обстоятельствами. Но такъ какъ такое нарушеніе *можетъ* повліять на вердиктъ, то оно должно считаться существеннымъ и 3) требующимъ исправленія. Единственно цѣлесообразный способъ послѣдняго (для избѣжанія кассациі)—предоставленіе сторонамъ права просить председателя о возобновленіи судебного слѣдствія для выясненія и провѣрки этого обстоятельства, а слѣдовательно и о дополненіи преній. Коснувшись здѣсь способовъ контроля сторонъ надъ ошибками председателя въ резюме, мы полагаемъ вмѣстѣ съ г. Кесселемъ, что нашъ Уставъ отнюдь не противъ такого контроля. Лично же мы склоняемся къ допущенію нѣсколько измѣненной англійской системы, именно—права сторонъ просить председателя, по окончаніи его рѣчи, исправить допущенныя имъ ошибки и неправильныя толкованія, о возобновленіи слѣдствія и преній съ тѣмъ, чтобы сторонамъ, если председатель отклонить это ходатайство или не сдѣлаетъ правильныхъ разъясненій, было предоставлено право требовать занесенія тутъ же предъ присяжными въ протоколъ допущенныхъ председателемъ нарушеній и ошибокъ въ цѣляхъ будущей кассациі. Авторитетъ председателя этимъ *мало* поколеблется въ глазахъ присяжныхъ, но *много* выиграютъ интересы *правильнаго* и *скаго* разрѣшенія дѣла: *теперь* приходится обращаться къ кассациі, слѣдовательно къ проволочкѣ времени, къ лишнимъ издержкамъ производства, предлагаемая же система даетъ возможность часто тутъ же исправить нарушеніе и получить правильный вердиктъ по первому разу, безъ обращенія въ кассационный судъ (см. также С. Викторскій—Русская Мысль, Апрѣль 1895 г.).

В) Не мало споровъ возникало по вопросу о томъ—представляется ли *существенно необходимымъ* разъясненіе присяжнымъ чрезъ председателя „общихъ началъ для сужденія о силѣ доказательствъ“, т. е. ихъ соотвѣтствія правовымъ и логическимъ требованіямъ, причемъ подъ условіями правовыми надлежитъ разумѣть установленныя въ данномъ кодексѣ правила для собиранія и эксплуатаціи доказательствъ, а подъ логическими—выработанныя человѣческимъ опытомъ критеріи источниковъ фактической достовѣрности (Л. Владиміровъ—Уче-

ніе об̆ угол. доказ., стр. 134). По мн̆нію н̆которыхъ (Н. А. Неклюдовъ), раз̆ясненіе присяжнымъ этихъ „общихъ началъ“ не только не представляется существеннымъ, но даже неисполнимо: немислимо самое существованіе теоріи судебныхъ доказательствъ съ обязательнымъ для присяжныхъ значеніемъ, почему нельзя и создать такихъ правилъ. Это подтверждается исторією уголовнаго процесса, пытавшеюся создать обязательныя для судей правила о судебныхъ доказательствахъ. Единственный критерій для оц̆нки им̆ющихся въ д̆л̆ доказательствъ—внутреннее уб̆жденіе, которое не можетъ быть подводимо ни подъ какія отвлеченныя положенія. Противоположное мн̆ніе (В. Володиміровъ, А. Ө. Кони, Л. Владиміровъ, Василенко, С. Викторскій, отчасти профессоръ Мнеляшевскій) утверждаетъ, что ученіе об̆ уголовныхъ доказательствахъ—существенная часть процесса, излагаемая въ заключительномъ слов̆; это ученіе должно им̆ть нравственно-обязательное значеніе для присяжныхъ, которые не должны р̆шать д̆ла по безотчетнымъ или поверхностнымъ впечатл̆ніямъ, а лишь *по разумной оц̆нкѣ* доказательствъ, по положительному уб̆жденію въ наличности связи между объектомъ и субъектомъ преступленія. Эта теорія судебныхъ доказательствъ должна выработаться путемъ научныхъ изсл̆дованій, но для развитія ея им̆етъ также существенное значеніе положительный законъ, указывающій, чего нельзя признать за доказательство (наприм̆ръ, молчаніе подсудимаго), и судебная практика, которая дополняетъ эти правила закона, опред̆ляя, при какихъ положительныхъ и отрицательныхъ условіяхъ утверждаемые факты получаютъ значеніе судебного доказательства. Наконецъ, сами присяжные, въ виду невысокой степени ихъ образованности и отсутствія у нихъ юридическаго образованія, не способны къ обобщеніямъ, не ум̆ютъ обращаться съ сырымъ, нер̆дко сложнымъ матеріаломъ. Наука права должна служить главнымъ подспорьемъ предс̆дателю, но, не будучи поддерживаема практикою, она безсилна обязать ему должное сод̆йствіе; впрочемъ, опытъ уже выработалъ много полезныхъ указаній, которыя могутъ постепенно получить обязательное для практики значеніе. *Среднее мн̆ніе* высказано

В. Д. Спасовичемъ. Онъ признаетъ полезною выработку теоріи судебныхъ доказательствъ, допускаетъ, что практика уже создала у насъ нѣкоторыя правила въ отношеніи предъявленія и оцѣнки доказательствъ (напримѣръ, о нечтеніи показаній обвиняемаго, данныхъ на предварительномъ слѣдствіи). Но такія правила, по его мнѣнію, „не могутъ капитализироваться и послужить матеріаломъ для выработки полной и цѣльной теоріи судебныхъ доказательствъ, такъ какъ этому препятствуютъ у насъ существующее дѣленіе вопросовъ о правѣ и фактѣ, кассационная дѣятельность Сената, стоящая на абстрактной точкѣ зрѣнія (съ этимъ соглашается и А. О. Кони), неспособная поэтому вникать въ содержаніе правилъ, пригодныхъ для оцѣнки доказательствъ; главными „подспорьями“ предсѣдателю могутъ служить юридическая литература и „совокупныя усилія магистратуры“.

Оцѣнивая высказанныя мнѣнія, нельзя не признать, что теорія судебныхъ доказательствъ, какъ основанная на *общихъ началахъ логики*, дополненныхъ особыми правилами уголовно-процессуальнаго законодательства, можетъ выработаться и у насъ, при совокупности благопріятныхъ условій; обстоятельства же, неблагопріятныя ей, должны исчезнуть съ удаленіемъ и измѣненіемъ тѣхъ причинъ, на которыя указалъ г. Спасовичъ. Необходимость такой теоріи для *законодателя и судьи*—безспорна. Первый почерпаетъ въ ней богатые логическія данныя, провѣренныя судебнымъ опытомъ, для созданія доброкачественныхъ правилъ процесса, вліяющихъ на успешное открытіе истины въ уголовномъ судѣ. Въ особенности важна для него *отрицательная* сторона этой теоріи, указывающая на то—какія доказательства совсѣмъ не должны быть допускаемы на судѣ, или могутъ быть допускаемы лишь въ исключительныхъ случаяхъ, при наличности извѣстныхъ условій. Для судьи ученіе объ уголовныхъ доказательствахъ приноситъ свою спеціальную пользу, такъ какъ оно развиваетъ въ немъ способности къ обобщенію, пріучаетъ его къ системѣ логическаго юридическаго мышленія. Гораздо *сомнительна* польза изложенія „*общихъ началъ*“ *предъ присяжными*. Прежде всего замѣтимъ, что здѣсь выставлено два

мнѣнія. Первое ограничиваетъ наставленіе изложеніемъ условій достовѣрности доказательствъ *вообще*, безъ изложенія предсѣдателемъ личнаго мнѣнія о силѣ доказательствъ, представленныхъ по дѣлу. Такъ, по мнѣнію профессора Л. Владимірова, опирающемся на проектъ инструкціи о силѣ доказательствъ, которую предполагалось ввести въ нашъ Уставъ угол. суд. (Владиміровъ—*ibidem*, стр. 131—135), ст. 801 Уст. „не имѣла въ виду разрѣшать предсѣдателю говорить присяжнымъ *о степени силы доказательствъ, имѣющихся въ дѣлѣ, а только объ условіяхъ достовѣрности доказательствъ вообще*; т. е. наставленіе предсѣдателя должно имѣть въ виду „не данное доказательство, а извѣстный видъ доказательствъ“, почему оно „*вполнѣ возможно и безъ обнаруженія личнаго мнѣнія*, которое было бы неизбежно, если бы предсѣдатель имѣлъ право входить въ обсужденіе степени подтвержденности доказательствъ, представленныхъ по дѣлу“. Второе мнѣніе, котораго держится и нашъ Сенатъ, проведено весьма рѣшительно и А. О. Кошкеевъ по дѣлу Саратовско-Симбирскаго банка (Владиміровъ—*ibidem*, 135): предсѣдатель даже *обязанъ* въ нѣкоторыхъ случаяхъ, обусловленныхъ составомъ присяжныхъ, неравенствомъ силъ сторонъ, или способомъ установки на судѣ того или другаго доказательства, *высказать присяжнымъ свое мнѣніе объ относительной силѣ „каждаго изъ главнѣйшихъ доказательствъ“*. Вполнѣ соглашаясь съ профессоромъ Владиміровымъ, что такой взглядъ „во всякомъ случаѣ противорѣчитъ Уст. угол. суд.“ (*ibidem*.), *допустимъ* пока, что законодатель приметъ *первое* мнѣніе, рѣшительно отринувъ второе. Какое же вліяніе можетъ оказать на присяжныхъ такое заключительное слово? Присяжнымъ придется выслушать нѣчто въ родѣ популярной лекціи, рѣчь, въ которой имъ будутъ преподаны общія, элементарныя начала *логики*, отрывки изъ общихъ основаній ученія о доказательствахъ. Но здоровая, хотя бы ординарная логика предполагается за присяжными; ей никакъ не научить даже за цѣлую сессію того изъ нихъ, который лишенъ здраваго смысла и элементарной способности формальнаго логическаго мышленія. Основательныхъ же юридическихъ знаній присяжнымъ пре-

подать нельзя, такъ какъ для ихъ пріобрѣтенія люди долго учатся. Приходится давать имъ слишкомъ общія свѣдѣнія, сливающіяся съ обычными знаніями и общимъ житейскимъ развитіемъ, имѣющимся уже у обыкновенныхъ, среднихъ обывателей. Правила судопроизводства, установленныя въ законѣ, должны оберечь судящихъ отъ доказательствъ неприемлемыхъ и опасныхъ; для этого юристы, свѣдущіе въ law of evidence, и пишутъ судопроизводственные законы, которые должны исключать такія доказательства; въ этихъ же видахъ судьи-руководители, тоже изучающіе логику и law of evidence, должны устранять изъ суда такія плохія или совсѣмъ негодныя доказательства. Но разъ послѣднія проникли на судъ, они *могутъ*, при другихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, сдѣлать свое дѣло, оказать вліяніе и даже давленіе на присяжныхъ, какъ и на всякихъ людей, и не помогутъ уже никакія „предупрежденія“ и оговорки, никакія предостереженія и увѣщанія „выкинуть изъ головы и памяти то или другое доказательство“, не поддаваться вліянію такого-то выслушаннаго заявленія. Для спасенія правды въ дѣлѣ остается одинъ путь—констатировать допущеніе неприемлемаго доказательства, кассировать вердиктъ и вновь разсмотрѣть дѣло съ устраненіемъ первой ошибки. Мы рѣшительно присоединяемся къ мнѣнію г. С. Хрулева (*ibidem*, стр. 129—131), который говоритъ, что объясненіе присяжнымъ (не-юристамъ) общихъ юридическихъ основаній къ сужденію о силѣ доказательствъ есть „ничто иное, какъ толченіе воды въ ступѣ“. Въ прежнее время предсѣдатели постоянно давали такія, притомъ весьма подробныя объясненія; но „неумолимый опытъ указалъ на всю безцѣльность подобныхъ разъясненій“, которыя потому болѣе и не практикуются опытными и хорошими предсѣдателями“. Присяжные судятъ, конечно, и по разуму и по чувству; но какъ объяснить имъ обязанность ихъ „подчинить свое убѣжденіе, твердо сложившееся у нихъ на основаніи раскрытой предъ ними картины происшествія“, такимъ соображеніямъ, что показаніямъ потерпѣвшаго или подсудимаго „слѣдуетъ дать вѣру, если они подтверждаются другими обстоятельствами дѣла, а въ противномъ случаѣ слѣдуетъ ихъ

отвергнуть“; что при оцѣнкѣ свидѣтельскихъ показаній слѣдуетъ „дать преимущество свидѣтелямъ, показывавшимъ подъ присягою, показанія коихъ согласны между собою и не противорѣчатъ другимъ обстоятельствамъ дѣла“, когда сплошь и рядомъ показанію одного потерпѣвшаго или одного обвиняемаго „невольно даешь полную вѣру“, хотя оно опровергается цѣлымъ рядомъ „досто вѣрныхъ“ свидѣтелей (Хрулевъ—*ibid.*, 130). Изъ нашего личного опыта мы могли бы привести не мало примѣровъ, вполне подтверждающихъ замѣчаніе г. Хрулева. Напримѣръ, одна публичная женщина судилась въ Харьковѣ за кражу у своего случайнаго „амант“, ночевавшаго съ нею, въ одномъ харьковскомъ вертепѣ. Трое свидѣтелей вполне, повидимому, достовѣрныхъ опровергали обвиненіе, обвиняемая—все отрицала и даже очень правдоподобно. Просто и ясно обвинчалъ одинъ потерпѣвшій; прокуратура отказалась отъ обвиненія и иначе ей нельзя было и поступить. Впередъ можно догадаться, о чемъ говорилъ предсѣдатель (дѣльный и опытный): онъ указывалъ, на основаніи „общихъ началъ при сужденіи о силѣ доказательствъ“, на опасность довѣриться показанію одного потерпѣвшаго, да еще опровергаемому 3-мя свидѣтелями и обвиняемымъ. Всѣ 12 присяжныхъ, уже послѣ судебного слѣдствія, рѣшили вопросъ и затѣмъ *единогласно осудили* женщину; кассация не вывезла, а когда приговоръ вошелъ въ законную силу, то женщина созналась защитнику, очень заинтересовавшемуся дѣломъ, въ совершеніи кражи.

Мы знаемъ уже, что судья почти невозможно не высказать своего личного мнѣнія при оцѣнкѣ доказательствъ (смотри выше); но если бы даже ему удалось не высказаться, то онъ „впадетъ въ слишкомъ общія мѣста“ (А. В. Бѣлостокскій). Говорятъ, что предоставленіе предсѣдателю права высказывать свое мнѣніе „внесло бы болѣе определенности въ отношенія предсѣдателя къ присяжнымъ“ (Н. Б. Яковъ). Но мы вполне понимаемъ, почему большинство петербургскаго юридическаго общества не присоединилось къ этому взгляду. Такое право предсѣдателя было бы опасно для самостоятельности сужденія присяжныхъ (К. Арсеньевъ и В. Володиміровъ), которые, являясь судьями, не нуждаются въ помощи предсѣдателя (Н. А.

Неклюдовъ). Но если такъ, то чѣмъ болѣе предсѣдатель будетъ стараться не высказывать своего мнѣнія, тѣмъ безцвѣтнѣе и общѣе будетъ его рѣчь, тѣмъ болѣе она сдѣлается излишнею и тѣмъ менѣе окажетъ она вліянія на исходъ дѣла.

Не приходится много распространяться о необходимости отмѣны запрещенія предсѣдателю (и сторонамъ) указывать на тяжесть наказанія, которому подвергается подсудимый. Принципиальнымъ противникомъ отмѣны этого запрещенія выступилъ Н. И. Стояновскій: предоставленіе предсѣдателю этого права нарушило бы границу, отдѣляющую область законодательства отъ области дѣятельности судебной, такъ какъ судъ призванъ лишь примѣнять къ жизни общія нормы закона независимо отъ ихъ достоинствъ или недостатковъ, обязательная же сила закона поколебалась бы отъ предоставленія присяжнымъ права оцѣнивать уголовный законъ и рѣшать вопросы о виновности по соображенію съ своими воззрѣніями по этому предмету. Съ предоставленіемъ же предсѣдателю указаннаго права сдѣлается неизбѣжнымъ обсужденіе присяжными силы репрессіи уголовного закона и вліяніе такого обсужденія на вердиктъ („Протоколы“, стр. 34). По мнѣнію проф. В. Володимірова, запрещеніе сообщать присяжнымъ свѣдѣнія о послѣдствіяхъ ихъ приговора есть *основное начало* уголовного процесса, не обусловленное вовсе недостатками дѣйствующаго у насъ уголовного уложенія: это запрещеніе существуетъ и во Франціи, гдѣ матеріальное уголовное право болѣе совершенно (*ibidem*, стр. 33). Напротивъ того, Н. А. Неклюдовъ (*ibidem*, стр. 32) видѣлъ въ этомъ запрещеніи „не основное процессуальное, а лишь *временное* правило“, оправдываемое исключительно несостоятельностью Уложенія о наказаніяхъ: тяжесть наказанія по Уложенію далеко не всегда соотвѣтствуетъ взглядамъ общежитія на данное преступленіе, почему „запрещеніе“ имѣетъ въ виду уменьшить стремленіе къ оправдательнымъ приговорамъ. Мнѣніе Н. И. Стояновскаго, безспорно, вѣское, но нѣсколько одностороннее: оно упускаетъ изъ виду, что законъ даетъ нормы для среднихъ случаевъ, а присяжные—и въ этомъ ихъ достоинство—индивидуализируютъ каждый данный случай; вер-

дикты присяжныхъ сравниваютъ и нивелируютъ требованія закона и жизни, даютъ законодателю указанія и жизненный критерій для исправленія и пополненія закона, для отмѣны законовъ обветшалыхъ и вредныхъ (напр. вердикты присяжныхъ по многимъ нарушеніямъ паспортнаго устава; см. статью А. Ѳ. Кони въ „Вѣстникъ Европы“). Но главное соображеніе за отмѣну запрещенія—богатый и совершенно неустрашимый опытъ суда присяжныхъ. Доказано, что присяжные, которые *всегда* желаютъ и не могутъ не хотѣть знать о послѣдствіяхъ ихъ приговора, всѣми средствами стараются уяснить себѣ эти послѣдствія, прибѣгая къ аналогіямъ и къ воспоминаніямъ изъ области случаевъ, рѣшенныхъ въ эту же или въ другія сессіи; они обращаются къ юристамъ, имѣющимся въ ихъ средѣ, которые и разъясняютъ имъ искомое, но такъ какъ эти юристы нерѣдко сомнительнаго качества, то и данныя ими разъясненія далеко не всегда вѣрны, вводятъ часто присяжныхъ въ заблужденіе и въ ошибки. Слѣдовательно, путемъ обхода закона присяжнымъ приходится разузнавать то, что они желаютъ знать; не лучше и не проще ли, не болѣе ли будетъ гарантій противъ ошибокъ, если санкцію закона разъяснить имъ авторитетный юристъ (предсѣдатель), подъ контролемъ суда и сторонъ? Случалось, что присяжные, создавъ себѣ ошибочное мнѣніе о тяжести наказанія, оправдывали подсудимаго, а потомъ оказывалось, что наказаніе обвиняемому грозило вовсе не строгое (Н. И. Цухановъ); нерѣдко, особенно въ началѣ сессіи, присяжные обвиняли, а потомъ раскаивались въ своемъ вердиктѣ въ виду постигшей обвиняемаго участи (проф. Володиміровъ). Личный нашъ опытъ тоже подтверждаетъ замѣчанія г.г. Цуханова и Володимірова. Есть еще одно возраженіе (В. Д. Спасовичъ): при сложности дѣйствующей у насъ лѣстницы наказаній и казуистичности уголовного закона „на практикѣ весьма затруднительно для предсѣдателя устанавливать заранее *степень и мѣру* наказанія“ (ibidem, стр. 34—35). Но заключительное слово у насъ произносится послѣ постановки вопросовъ, содержаніе которыхъ подводится подъ *опредѣленные статьи Уложенія*; извѣстны также послѣдствія признанія подсудимаго

заслуживающимъ снисхожденія, вліяніе его на уменьшеніе наказанія, равно какъ и послѣдствія откинутія присяжными того или иного признака въ вопросѣ. Во всякомъ случаѣ, предсѣдатель можетъ заранѣе объяснить *приблизительныя* границы отвѣтственности. Наконецъ новое уложеніе, не знакомое съ указанными спеціальными трудностями дѣйствующаго законодательства, весьма облегчитъ задачу сторонъ и предсѣдателя суда.

С) Безспорна необходимость объяснять присяжнымъ *составъ преступленія по смыслу закона*, съ указаніемъ на отношеніе и связь признаковъ, съ предвареніемъ ихъ, въ какомъ преступленіи будетъ обвиненъ подсудимый въ случаѣ признанія его виновности. Этотъ вопросъ не возбудилъ преній по докладу г. Спасовича въ юрид. обществѣ („Протоколы“, стр. 31) и единогласно разрѣшенъ утвердительно. И совершенно понятно: присяжные весьма часто вполнѣ безсильны, какъ не-юристы, дѣлать субсумпцію, помогать имъ долженъ ученый юристъ; въ этомъ-то часто вся суть, весь центръ тяжести заключительнаго слова, посредствомъ котораго коронный судья законно вліяетъ на присяжныхъ и поддерживаетъ связь между двумя коллегіями (коронною и народною). Эта часть заключительнаго слова и есть, въ сущности, та *юридическая мотивировка вердикта* (Планкъ), въ отсутствіи которой иногда упрекаютъ присяжныхъ. Ни въ какой мотивировкѣ фактической стороны дѣла въ судѣ, дѣйствующемъ по критерию внутренняго убѣжденія, нѣтъ надобности: утвержденіе или отрицаніе конкретныхъ фактовъ—дѣло этого убѣжденія; мы лично не усматриваемъ необходимости въ такой мотивировкѣ даже для короннаго суда, если дѣло разсматривается имъ безъ участія присяжныхъ. Но какъ только факты признаны, ихъ надо разумно подводить подъ нормы закона, подъ признаки данной статьи; если заключительное слово сказано вѣрно, если присяжные съ этою *Rechtsbelehrung* согласились, то они и выскажутъ это въ вердиктѣ: послѣдній получаетъ такимъ образомъ мотивировку въ заключительномъ словѣ, отразившемся на вердиктѣ. Въ этой части предсѣдательскаго объясненія—лучшая сторона англійскаго „charge“, русскаго и австрійскаго заключитель-

наго слова и *Rechtsbelehrung* германскаго судьи; эта часть будетъ жить долго, умереть лишь съ судомъ присяжныхъ, если только ему придется когда-либо исчезнуть. Еще Миттермайеръ (Законодательство и Юридическая практика) говорилъ, ссылаясь на свой опытъ, что въ процессахъ запутанныхъ и продолжительныхъ заключительная рѣчь бывала весьма полезна для поученія присяжныхъ, если судья произноситъ ее въ англійскомъ духѣ. Мы думаемъ, что особенно, если не исключительно, полезно бываетъ именно разбираемая нами часть этой рѣчи. Во всякомъ случаѣ, польза ее несомнительна, тогда какъ польза изложенія „общихъ началъ къ сужденію о силѣ доказательствъ“ подвержена большому сомнѣнію, а изложеніе „существенныхъ обстоятельствъ дѣла“ или бесполезно или прямо вредно. И можно замѣтить, что исторія уголовного процесса, все болѣе суживая объемъ и содержаніе заключительнаго слова, начинаетъ уже не признавать *безусловно необходимымъ* даже „charge“, которое и въ англійской практикѣ примѣняется все рѣже, безусловно отвергая тотъ типъ его (*résumé*), который сводится къ изложенію фактическихъ обстоятельствъ за и противъ подсудимаго (противъ изложенія предъ присяжными „существенныхъ обстоятельствъ дѣла“ высказывается также И. П. Закревскій—Журн. Гражд. и Угол. Права, 1882 г., Февраль, стр. 48—49).

Д) Когда должно быть произнесимо заключительное слово—*до* или *послѣ* постановки вопросовъ? Въ комисіи, создавшей Судебные Уставы, всѣ голоса противъ одного (Н. А. Принтцъ) высказались за первое рѣшеніе, но въ Государственномъ Совѣтѣ взяло верхъ мнѣніе Н. А. Принтца, который представилъ въ подтвержденіе его доводы, и по сей день не сокрушимые. Сильнѣйшими изъ соображеній, подкрѣпляющихъ дѣйствующую у насъ систему, представляются намъ слѣдующія: 1) заключительное слово призвано къ тому, чтобы *уяснить вопросы, уничтожить сомнѣнія*, возбуждаемыя ихъ смысломъ, *оріентировать присяжныхъ въ ихъ правахъ и обязанностяхъ* при ихъ обсужденіи и рѣшеніи; эти цѣли не достигаются вполнѣ, если вопросы будутъ слѣдовать за заключительнымъ словомъ; 2) въ

вопросахъ председатель имѣеть твердую *почву* и *границы* для своихъ объясненій; если послѣднія будутъ предшествовать постановкѣ вопросовъ, то председателю придется настаивать на своей редакціи вопросовъ; 3) противное мнѣніе несовмѣстимо съ обязанностью судебной коллегіи принять участіе въ обсужденіи и постановкѣ вопросовъ; взглядъ коллегіи можетъ разойтись со взглядами председателя, высказанными имъ въ резюме, но не нашедшими отголоска въ вопросахъ; въ постановкѣ послѣднихъ должны также принять участіе стороны и сами присяжные, которые могутъ войти, предъявляя свои требованія, въ коллизію съ председателемъ.

З а к л ю ч е н і е.

Статьи 801—804 Уст. угол. суд. слѣдовало бы измѣнить и изложить такъ:

Ст. 801. Председатель суда, вручая старшинѣ присяжныхъ вопросный листъ, въ заключительномъ словѣ: 1) объясняетъ имъ законные признаки разсматриваемаго преступнаго дѣянія и право, принадлежащее имъ по статьѣ 812 Уст.; 2) напоминаетъ имъ, что они: а) должны опредѣлить вину или невинность подсудимаго по внутреннему своему убѣжденію, основанному на обсужденіи совокупности всѣхъ обстоятельствъ дѣла, и в) могутъ, въ случаѣ осужденія подсудимаго, если найдутъ достаточныя къ тому основанія, признать его заслуживающимъ снисхожденія; 3) объясняетъ имъ послѣдствія ихъ обвинительнаго вердикта по отношенію къ наказанію, угрожающему подсудимому; 4) порядокъ ихъ совѣщаній и постановленій вердикта.

Ст. 802. Председатель, по собственному усмотрѣнію, или по требованію сторонъ, возстановляетъ *существенныя* обстоятельства дѣла, неправильно изложенныя сторонами, а также истинный смыслъ закона, если послѣдній искаженъ или неточно истолкованъ сторонами; но онъ (председатель) не долженъ при этомъ приводить обстоятельствъ, не бывшихъ предметомъ судебного слѣдствія и преній сторонъ.

Ст. 803. Никто изъ участвующихъ въ дѣлѣ не имѣеть права прерывать заключительную рѣчь председателя. Но сто-

ронамъ и присяжнымъ предоставляется право, по ея окончаніи, просить предсѣдателя о дополненіи или дальнѣйшемъ разъясненіи обстоятельствъ, перечисленныхъ въ ст. 801.

Ст. 804. Стороны могутъ, если считаютъ объясненія предсѣдателя неправильными, просить предсѣдателя, по произнесеніи заключительнаго слова, объ исправленіи допущенныхъ имъ неправильностей. Если предсѣдатель отказалъ въ такомъ ходатайствѣ или подтвердилъ прежнее свое разъясненіе, то, по требованію сторонъ, оспариваемая ими часть его заключительнаго слова заносится въ протоколъ.
